ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Я. В. Дикий
С. А. Батурин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ БУРЯТИИ

Учебное пособие для студентов очной и заочной форм обучения

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2021

УДК 069.02:902/904(075.8)(571.54)
ББК 79.1(2Рос.Бур)я73+63.48(2Рос.Бур)я73
Д 453

Утверждено
редакционно-издательским Советом Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Восточно-Сибирский государственный институт культуры» и
Ученым советом Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Научный редактор:
С. В. Бураева – д.и.н., доцент, в.н.с. Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Рецензенты:
Д. А. Миягашев – к.и.н., н.с. Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

О. Э. Мишакова – к.и.н., доцент, заведующий кафедрой музеологии и наследия ФГБОУ ВО ВСГИК.

Дикий Я. В.

Д 453 Археологические коллекции Бурятии : учебное пособие для студентов очной и заочной форм обучения / Я. В. Дикий, С. А. Батурин. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2021. – 64 с.

Учебное пособие предназначено для студентов очной и заочной форм обучения по образовательной программе бакалавриата 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия».

В пособии рассмотрены вопросы теории, истории и методики исследования археологических коллекций Бурятии как самостоятельного исторического источника. Разделы пособия посвящены истории формирования коллекций, классификации и типологии артефактов, а также методам работы с ними.

УДК 069.02:902/904(075.8)(571.54)
ББК 79.1(2Рос.Бур)я73+63.48(2Рос.Бур)я73

© Я. В. Дикий, С. А. Батурин, 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ БУРЯТИИ 6

РАЗДЕЛ 2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БУРЯТИИ 21

РАЗДЕЛ 3. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК БАЗОВАЯ ЧАСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ 36

РАЗДЕЛ 4. ПИСЬМЕННАЯ И ВИЗУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ 44

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 61

ВВЕДЕНИЕ

В археологических фондах Национального музея Республики Бурятия (далее – НМ РБ), Этнографического музея народов Забайкалья (далее – ЭМНЗ), Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева (далее – ККМ им. ак. В.А. Обручева), Музея Бурятского научного центра СО РАН (далее – Музей БНЦ СО РАН) и Лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее – ИМБТ СО РАН) хранится огромное количество накопленного предшественниками археологического материала. Его необходимо использовать в тесной связи с другими науками для уточнения имеющихся данных, а возможно, и получения новых. Мультидисциплинарные связи археологии с другими науками актуализируют изучение археологических коллекций и в источниковедческом контексте. Это позволяет произвести более точную реконструкцию материальной и духовной культуры народов, проживавших на территории Бурятии в древности, а также проанализировать становление и развитие археологической науки в Бурятии.

Под **археологической коллекцией** понимается комплексный исторический источник, включающий в себя три основных типа источников:

1. Вещественные источники, т.е. весь археологический материал, полученный в ходе выполнения работ (массовый и индивидуальный, антропологический и палеонтологический) и объединенный в отдельные коллекции на основе одного или нескольких принципов (принадлежность к памятнику, хронологическому принципу, авторскому, видовому).
2. Письменные – это письменные документы, сопровождающие археологические коллекции (открытый лист, полевой дневник, научный отчет, полевые и музейные описи, статьи и монографии).
3. Визуальные источники – чертежи, рисунки и фотографии археологических объектов, которые часто являются составной частью второго типа источников.

В нашем понимании археологическая коллекция может считаться таковой, если материал принят на хранение музеем и об этом имеется запись в музейной книге поступления.

Археологические коллекции являются важной частью культурного наследия Российской Федерации, и для высокого уровня сохранности и качественной работы с ними необходимы профессиональные кадры. Настоящее учебное пособие адресовано, в первую очередь, обучающимся направления подготовки: 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия, уровень – бакалавриат.

Весь выявленный археологический материал получен в ходе работ на археологических памятниках Бурятии и хранится в государственных музеях и научных учреждениях региона исследования. Для дореволюционного периода российской истории, с 1851 г. – это территория Забайкальской области. Для периода, предшествовавшего образованию Бурят-Монгольской АССР – это административные границы Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной республики и Бурят-Монгольской автономной области РСФСР. С 1923 г. это территория Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики (БурАССР), с 1958 г. – Бурятской АССР. С 1991 г. и по настоящее время территорию исследования ограничивают административные границы Республики Бурятия. Выделение подобного ареала в таком формате достаточно давно сложилось в региональной научной литературе.

Включенные в анализ археологические коллекции локализованы в нескольких государственных учреждениях культуры и науки: Кяхтинском краеведческом музее им. В.А. Обручева (г. Кяхта), Национальном музее РБ, Этнографическом музее народов Забайкалья, музее Бурятского научного центра СО РАН, Институте монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

Особое внимание в пособии обращено на практические аспекты работы с археологическими коллекциями.

Достижению цели и задач подготовки специалистов для музейной сферы, сохранения археологического наследия подчинены содержание и структура настоящего учебного пособия. Пособие состоит из 4 разделов, в которых представлены теоретические аспекты и методические рекомендации при работе с археологическим наследием.

В первом разделе приводится история формирования археологических коллекций, которая напрямую связана с археологическими исследованиями в Бурятии и наличием учреждений, которые способствовали этому.

Второй раздел посвящен классификации отдельных артефактов из археологических коллекций, а также методическим рекомендациям по работе с ними.

В третьем разделе осуществлен анализ источникового потенциала коллекций в контексте интерпретации исторического процесса на территории Бурятии.

Четвертый раздел посвящен двум неотделимым составляющим археологической коллекции – письменным документам, сопровождающим археологические коллекции, и визуальным материалам, с помощью которых фиксируются ход и результаты полевых работ.

В конце каждого раздела даны вопросы для самоконтроля и закрепления пройденного материала. В конце каждого раздела приводится список использованной и рекомендуемой литературы, обращение к которому даст возможность студенту более полно и качественно изучить специфику работы с археологическими материалами, которые хранятся в музеях Бурятии.

Над изданием работали: м.н.с. Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, к.и.н. Я. В. Дикий и доцент кафедры музеологии и наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры, к.и.н. С.А. Батурин.

РАЗДЕЛ I.
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ БУРЯТИИ

Ключевые слова: *археология, коллекция, археологические коллекции, Бурятия, Кяхтинский краеведческий музей, Национальный музей Республики Бурятия, Этнографический музей народов Забайкалья, музей БНЦ СО РАН.*

Формирование археологических коллекций в дореволюционный период (конец XIX в. – 1917 г.)

Первые упоминания об археологических памятниках на территории современной Бурятии зафиксированы в XVII в. Так, Н. Спафарий во время своего путешествия через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 г. описал «город великий каменный» в одном дне пути от оз. Байкал. В ходе освоения края путешественниками, дипломатами и учеными отмечено наличие древних памятников, сделаны первые случайные и эпизодические находки. В дальнейшем были заложены основные направления в изучении древностей региона.

С XVIII в. в России появляются первые законодательные акты, которые направлены на сохранение предметов старины и древности. Речь идет об указах Петра I от 13 февраля 1718 г. «О передаче родившихся монстров в каждом городе коменданту и о назначении за них платы и о штрафе за утайку» и от 16 февраля 1721 г.

Согласно этим документам «куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому Губернатору и, не переплавляя, присылать в Берг – и Мануфактур – Коллегию, а в оной докладывать Его Величеству».

Первые коллекции были получены в ходе проведения первых академических экспедиций 1723-1724 гг. и 1733-1774 гг., в рамках которых произведены первые археологические раскопки в Забайкалье. Так, например, И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер провели подобные работы в районе хоринской степи в долине р. Уда (Ил. 1).

Ил. 1. Герхард Фридрих Миллер (1705-1783)

Г. Миллер так описывал эти работы: «Прокопав в последнем насыпь на 1/4 локтя, мы нашли некоторые части лошадиного остова, а затем наткнулись на каменную глыбу в роде тех, которые стоят вокруг курганов. Она лежала горизонтально и представляла такую массу, что четыре человека не были в состоянии поднять ее; пришлось молотком разбить ее на куски, чтобы она тяжестью своею не препятствовала дальнейшей работе. Кроме того, естественное положение костей было нарушено.

Разломанные кости еще несколько белели, и для перелома требовалось усилие: сами собою, от легкого к ним прикосновения, они не могли крошиться. Вот весь плод наших трудов: нам достались

только одни кости». Найденный материал был вывезен из региона, частично он попал в сибирскую коллекцию Петра I (Кунсткамера). Многие археологические памятники в этот период, особенно древние погребения, подверглись грабительским раскопкам.

С организацией в 1851 г. Сибирского отделения Императорского Русского географического общества в г. Иркутске (далее – ИРГО) начинается новый этап в изучении древностей Забайкалья. С этого времени Сибирским отделением ИРГО даются поручения по обследованию объектов старины и поиску древних памятников ряду видных деятелей – Д.П. Давыдову, А. Павлецкому, И.А. Лопатину, П.А. Равинскому, И.Д. Черскому, Н.В. Кириллову, В.А. Обручеву и др.

Открытие отделения Императорского Русского Географического общества в городе Кяхта (Троицкосавск), а также создание на его основе Кяхтинского краеведческого музея имело большое значение, в изучении древностей Забайкалья в целом и Бурятии в частности, а также способствовало более широкому и систематическому изучению края. Видными деятелями этих учреждений были представители местной интеллигенции – Н.А. Чарушин, И.И. Попов, П.С. Михно, Ю.Д. Талько-Грынцевич.

История формирования первых археологических коллекций в Бурятии связана с именем Ю.Д. Талько-Грынцевич. Именно он стоял у истоков организации систематических археологических исследований на территории юга Бурятии. В основном фонде музея в его коллекции насчитывается 871 ед. хр. Врач по образованию, он прибыл в Троицкосавск в 1892 г. и вел свои научные изыскания в течение 16 лет, вплоть до отъезда в Польшу (Ил. 2).

Ил. 2. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич (1850-1936)
(архив Кяхтинского краеведческого музея. д. № 5884)

Материалы, находящиеся в коллекции Ю.Д. Талько-Грынцевича, представлены разными археологическими памятниками и относятся к различным историческим эпохам, но в большей степени датируются бронзовым и ранним железным веком (могильники Дырестуйский Култук, Царам, Талту-Дабан, Ильмовая падь и др.). Он был первым, кто получил археологические данные о гуннах, с помощью которых впоследствии подтвердились имеющиеся письменные источники, содержащие информацию об этой кочевой культуре. За время своей работы Юлиан Доминикович произвел раскопки около 500 могил, среди них 100 хуннских захоронений. На их основе он создал первую периодизацию археологических памятников региона; по результатам работ им опубликовано почти 40 статей и сообщений. Многолетние систематические работы Ю.Д. Талько-Грынцевича стали важной составной частью научной работы отделения (ИРГО) и музея в целом. Кроме того его археологическая коллекция сопровождается тщательно подготовленными, добросовестно документированными чертежами, фотографиями, планами и отчетами, что подчеркивает комплексность коллекции, уникальность ее как исторического источника, с помощью, которого можно исследовать как древнюю историю края, так и историю развития археологии в Бурятии.

Еще один исследователь конца XIX в., А.П. Мостиц, осуществлял «только разведочные работы». В 1896 и 1898 гг. он совершал исследовательские поездки по р. Селенге – от Кяхты до Верхнеудинска; от Кудары до устья р. Чикой. Им были собраны коллекции артефактов каменного века, составлена карта археологических памятников в бассейне р. Селенги. Всего А.П. Мостиц открыл более 200 местонахождений с артефактами прошлого. Несмотря на то, что он не проводил стационарных раскопок, его коллекция насчитывает 527 ед. хр. Анализ состава коллекции выявил особое внимание ученого к каменному веку: в большом количестве представлены нуклеусы, отщепы, скребки, каменные наконечники и ножи. Таким образом, именно А.П. Мостиц стоял у истоков изучения палеолита Бурятии, однако обобщить весь накопленный им материал он не успел. Его коллекция также находится в Кяхтинском краеведческом музее.

Нельзя не отметить особую роль П.С. Михно, внесшего весомый вклад в формирование археологических коллекций в конце XIX – первой трети XX вв. Им была сформирована самая большая коллекция – 4992 ед. хр., начиная с 1895 г. Вещественный ряд разнообразен – предметы каменной индустрии (нуклеусы, скребки, каменные топоры и др.), бронзового и железного производства (наконечники стрел, копий, железные лопатки, фрагменты ножей и др.), украшения (каменные кольца, бусы, подвески и др.). Артефакты, входящие в коллекцию П.С. Михно, представляют такие памятники, как Дурены, Урлун-Жиндо, Хамнигадай, Елань, руч. Сава, Усть-Кяхта, Эдуй, Хулдаг, Гусиное озеро, Хара-Бусун и др. (Ил. 3).

Ил. 3. Петр Саввич Михно (1867-1938)

П.С. Михно и Ю.Д. Талько-Грынцевичу ассистировали на раскопках Я.С. Смолев и А.М. Лушников. В Кяхтинском краеведческом музее их работа нашла отражение в небольших авторских археологических коллекциях. Они представлены бронзовыми и железными изделиями. Учитывая, что Я.С. Смолев работал вместе с Ю.Д. Талько-Грынцевичем, а А.М. Лушников – с П.С. Михно, можно предположить, что их научные интересы совпадали.

Первые разведочные работы связаны с именем А.П. Мостица. В январе, феврале и июне 1891 г. он проводил изыскания в районе Усть-Кяхты и обнаружил более 50 артефактов; в этом же районе в 1894 г. проводили археологические работы Ю.Д. Талько-Грынцевич (34 предмета) и А.М. Лушников (6), а в 1895 г. – Я.С. Смолев (4) и П.С. Михно. Заметим, что последний занимался лишь поверхностными работами, обследуя котловины выдувания и аккумулируя подъемный материал. В 1895 г. он исследовал территорию в окрестностях Троицкосавска, Дурен, Урлуна, Жиндо (обнаружено и передано в музей 93 предмета).

В 1896 г. масштаб и территория работ расширились. Так, А.П. Мостиц провел археологическую разведку по долинам рек Чикой и Селенга (коллекцию пополнили 140 артефактов); Ю.Д. Талько-Грынцевич исследовал археологические памятники Усть-Кяхты, в Дуренах и Цаган-Усуне (музейное

собрание пополнили 154 предмета); П.С. Михно работал в долине руч. Марьина (притока р. Чикой) и в местности Дурены (103 предмета).

В следующем, 1897 г., работы П.С. Михно были продолжены у Средних Дурен и в окрестностях Троицкосавска (68 предметов), а А.П. Мостицем выявлены стоянки на р. Селенга, у сел Тамир и Номохоново (43 артефакта); 3 предмета из окрестностей Усть-Кяхты добавил в коллекцию Я.С. Смолев.

С марта по ноябрь 1898 г. Ю.Д. Талько-Грынцевич проводил масштабные работы на могильнике в долине р. Суджа (коллекцию пополнили 398 археологических находок). А.П. Мостиц продолжил исследование долины р. Селенги (292 предмета); П.С. Михно в августе и сентябре обследовал местности Дурены, вблизи Полканово, Харацай, Урлук, Хамнигадай (49 предметов).

В 1899 г. расширилась география исследований, но находки были немногочисленными: Ю.Д. Талько-Грынцевич в летний период провел раскопки в местонахождениях Усть-Кяхта, Наушки, Хайцегор (Хойцегор), Эдуй, в долине р. Чикой (69 артефактов); П.С. Михно в марте и мае исследовал район ст. Ключи, Подлопатки, Харитоновка, Елань (10 предметов).

В апреле 1900 г. П.С. Михно продолжил обследование местности Средние Дурены (129 предметов), а Ю.Д. Талько-Грынцевич в сентябре осуществил раскопки на могильнике Дырестуйский Култук (могилы № 5, 7, 9, 10, 14), добавив в археологическую коллекцию музея 113 артефактов.

1901 г. практически ничего не принес археологическому собранию музея, лишь Ю.Д. Талько-Грынцевич добавил 8 артефактов из местности Талту-Дабан. В 1902 г. поступлений археологических предметов в музей не зафиксировано. В 1903 г. Ю.Д. Талько-Грынцевич исследовал местности Царам, падь Шаманская, Тамир, Аршан-Хундуй; были найдены и переданы в музей 85 артефактов. Собственно говоря, этот сезон стал заключительным для археологических изысканий Ю.Д. Талько-Грынцевича в Бурятии – в дальнейшем в Книге поступлений музея от него зафиксировано поступление двух предметов из окрестностей Троицкосавска в 1907 г. и шести – в 1912 г. Дальнейшее пополнение археологического собрания музея связано с именем Петра Саввича Михно.

В 1903-1904 гг. П.С. Михно продолжил обследование археологических памятников Забайкалья; в августе 1907 г. занимался изучением местности Мензенская, Тамир, Байхор, Средние Дурены. В районе последних он работал и в апреле 1911, и в марте 1912 гг. За этот период археологическое собрание музея было пополнено на 119 предметов. В мае 1912 г. П.С. Михно совершил очень результативную поездку в окрестности Маймачена и привез 295 артефактов для фондов музея, в сентябре того же года он обследовал выдува по берегам Чикоя (14 ед.). Затем археологические изыскания заметно пошли на спад, и за 3 последующих года в фонд музея поступило лишь 19 предметов.

Первые археологические коллекции – уникальный источник изучения древней истории Бурятии, они же позволяют аргументированно судить и об уровне археологических изысканий в первой трети XX в.

Специфика археологической коллекции как исторического источника заключается в том, что каждая коллекция состоит из множества археологических предметов, отражающих историческую эпоху. Однако любой археологический объект не дает нам всю картину культуры или эпохи, а лишь осколки. Поэтому наиболее полным историческим источником становится именно та археологическая коллекция, которая дополнена научной документацией (полевыми дневниками, отчетами, фотографиями и чертежами). Она позволяет определить авторство, место, время и методы, применяемые при археологических работах, что делает археологическую коллекцию уникальным, комплексным источником информации. Подобные материалы сопровождают археологические артефакты Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В.А. Обручева; практически все они имеются в опубликованном виде.

Так, например, суджинский материал Ю.Д. Талько-Грынцевича (археологический памятник Ильмовая падь) опубликован в Трудах ТКОПО И РГО (1898 г., т. 1, вып. 2) и содержит информацию о месте, времени проведенных работ; описание находок, разделенных на 8 групп; дневник раскопок и приложения с картой «кладбища», планом, рисунками исследованных могил и находок, измерения костей человека (Архивный фонд Кяхтинского краеведческого музея № 5786/7870 (далее также – АФ ККМ)).

Известны и публикации А.П. Мостица с подробным описанием разведочных работ в окрестностях Усть-Кяхты – характеристика мест, классификация и описание находок (наконечники, скребки, нуклеусы, украшения, горшочные черепки, медные орудия), информация о размерах, форме, назначении предметов (АФ ККМ № 5762/604).

Итак, в конце XIX – первой трети XX в. в Кяхте сформировались базовые региональные археологические коллекции, охватывающие широкое хронологическое пространство – эпоху камня,

бронзовый и железный века, средневековье. Были проведены первичные поиск, систематизация, анализ и интерпретация памятников археологии. Заложены основные направления археологических исследований и определена тематическая направленность будущих археологических изысканий в регионе.

Начало формирования собрания предметов археологии в Бурятии было положено Ю.Д. Талько-Грынцевичем, А.П. Мостицем, П.С. Михно, Я.С. Смолевым, А.М. Лушниковым. Итог этих работ – формирование авторских коллекций, сконцентрированных в фонде Кяхтинского краеведческого музея.

Появление первых региональных археологических коллекций связано с развитием археологии в стране, ростом интереса к древностям региона.

Археологические коллекции первых исследователей стали необходимым фундаментом для будущих археологических изысканий. В ходе следующих этапов к этим базовым археологическим коллекциям будут обращаться такие видные исследователи древностей как Г.Ф. Дебец, Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, П.Б. Коновалов, А.В. Давыдова и др. Востребованными и актуальными историческими источниками они остаются и сегодня. С развитием науки и улучшением методов в археологии появляется возможность получать новые данные из материалов первых археологических коллекций Бурятии по всем историческим эпохам – от палеолита до средневековья.

Формирование археологических коллекций в советский период (1922-1991 гг.)

Годы революции и гражданской войны не способствовали исследованию археологического прошлого края. Лишь в апреле 1922 г. П.С. Михно возобновляет работы, однако их интенсивность в Кяхтинском краеведческом музее заметно снизилась. Он проводит работы на погребении Хара-Бусун (256 артефактов), а с апреля по октябрь обследует долину р. Сава, Софроново, пески между Троицкосавском и Кяхтой, Ботыйскую яму, Усть-Киран, Дурены (270 предметов, из них Дурены – 104). Отметим, что масштабные работы в Дуренах были продолжены в июле-августе 1923 г. (341 предмет), летом 1924 г. (303 предмета), летом 1925 г. (217 предметов). В период с 1923 по 1924 гг. П.С. Михно работал не только в окрестностях уже известной Усть-Кяхты, но и на оз. Дзаргучеевское, увеличив коллекцию на 138 предметов.

В мае-октябре 1925 г. география исследований П.С. Михно не изменилась – это были Маймачен, оз. Дзаргучеевское, Усть-Кяхта, Кяхта и Троицкосавск (291 артефакт). В этом же году начинает свои исследования в местности Большой Луг С.А. Успенский; там же он продолжил их в 1926 и 1928 гг. (40 предметов). В сентябре 1926 г. П.С. Михно обследовал район р. Джиды и с. Номохоново, результатом стало пополнение коллекции на 377 артефактов, а в 1927 г. – уже на 781 предмет. В сентябре 1927 г. исследования на руч. Сава принесли 130 предметов, а спустя год на р. Чикое – 80. В 1928 г. П.С. Михно провел масштабные работы в окрестностях Усть-Кяхты, обследовал Петропавловку, Покровское, Хулдаг, Шара-Азарга, Эдуй, р. Чикой, Селендуму, Киреть, Гусиное озеро, Цанагтай, Саву, Монастырскую падь (188 предметов). Наиболее внушительное пополнение в фонды музея обеспечили в 1928 г. работы на мельнице Попова (523 артефакта). Летом 1930 г. зафиксировано заключительное поступление в фонд музея от П.С. Михно 69 артефактов из Полканово.

П.С. Михно, уже в должности директора музея, обнаружил и передал на хранение в музей более 3 тыс. предметов с памятников Хара-Бусан, Номохоново, Полканово, р. Сава, Эдуй и др. Среди них – каменные изделия, бронзовые и железные предметы, фрагменты керамической посуды. С арестом в 1937 г П.С. Михно. археологические раскопки непосредственно силами сотрудников Кяхтинского музея были прекращены на достаточно долгий период.

После установления в Бурятии советской власти кроме Кяхты еще одним центром изучения древней и средневековой истории края стал г. Верхнеудинск. В 1923 г. открыт Бурят-Монгольский краевой музей. Кроме того, с 19 апреля 1924 г. начинает свою работу Бурят-Монгольское научное общество им. Д. Банзарова (БМНО), что также способствовало становлению нового центра локализации региональных археологических коллекций.

Большое значение для изучения археологического прошлого Бурятии, а также накопления археологического материала имели Бурят-Монгольские археологические экспедиции. Первая была организована по инициативе Бурят-Монгольского общества и Буручкома в 1928 г. Руководителем был назначен Георгий Петрович Сосновский, по мнению которого основной задачей работ было «…общее ознакомление с памятниками прошлого края и сбор материала для классификации древних культур

Забайкалья» (Научный архив Института истории материальной культуры .Ф. 2, д. 182, л. 12 (далее также – НА ИИМК)).

Руководителем экспедицией было принято решение начать исследования в Верхнеудинском округе, а именно неолитической стоянки на Нижней Березовке, «дюнные стоянки по р. Иволга и на Забочке» и «китайском месте» «было установлено наличие двух городищ». Г.П. Сосновский отмечал, что материал из землянок, раскопанных на городище, аналогичен суджинскому материалу, полученному Ю.Д. Талько-Грынцевичем. Кроме того, исследованные могильники у горы Тологой и с. Саянтуй «дали представления о захоронениях воинов-кочевников в сосновых колодах». В заключении отчета Г.П. Сосновский указывал, что «…работы археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции 1928 г. носили характер обследований и являлись подготовительными» (НА ИИМК.Ф. 2, д. 182, л. 14).

Тем не менее, сотрудниками археологического отряда было раскопано 52 погребения, одно городище (частично), одна пещера. Обнаружены следы пребывания древнего человека от каменного периода до позднего железного века. Так, например, при раскопках могильника Ильмовая падь найдены серебряная штампованная бляшка, бронзовые позолоченные фигурки коней, костяные палочки, кусочки шелковой ткани и др. Подчеркнем, что все материалы первой Бурят-Монгольской экспедиции были вывезены Г.П. Сосновским в Государственный Эрмитаж, где они хранятся и в настоящее время.

В ходе работы Г.П. Сосновский и другие сотрудники экспедиции прибыли в г. Троицкосавск для ознакомления с археологическими коллекциями Троицкосавского (Кяхтинского) Краевого Музея. В Кяхте была проделана огромная работа по систематизации археологических коллекций, а также произведена зарисовка бронзовых орудий и других экспонатов. К сожалению, и эти материалы вывезены им в Ленинград и поступили на хранение в Государственный Эрмитаж.

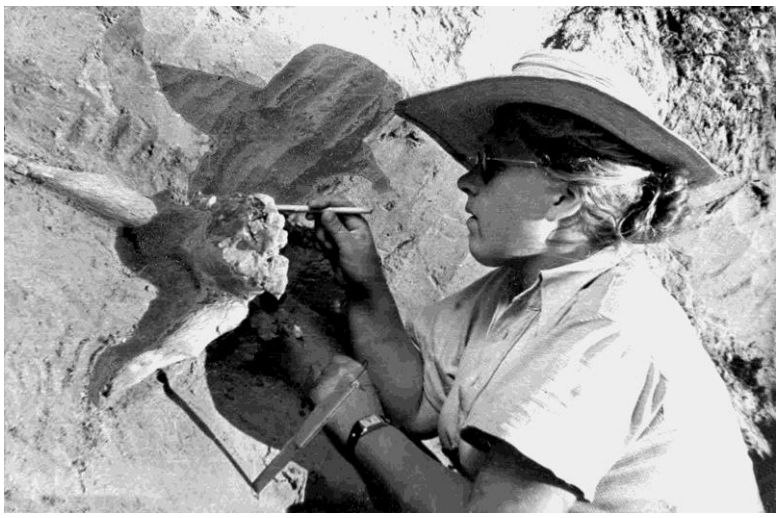
Большой вклад в формирование региональных археологических коллекций внесли местные исследователи – А.П. Бажин, В.В. Попов и Г.П. Сергеев, «первые археологи Бурят-Монгольского краевого музея». А.П. Бажиным было зарегистрировано в археологическом фонде 153 предмета. В 1924 г. он посещает деревню Номохоново, где им была собрана коллекция археологических предметов, относящаяся к неолиту – железному веку (предметы из камня, керамика и кости). В.В. Попов (ученый секретарь БМНО и сотрудник краевого музея) в период с 1924 г. по 1930 г. совершил ряд поездок по республике с целью выявления археологических памятников и сбора артефактов. Им был собран материал с памятников у с. Дурены, в местности Нижний Жирим и Карабановка. В.В. Попов первым ввел в научный оборот ставшие позднее широко известными стоянку Нижняя Березовка (1926 г.), поселение и могильник хунну у с. Нижняя Иволга (1927 г.).; им обнаружены памятники у с. Сотниково, Верхнеудинская стоянка, стоянка Забока и др.

Профессиональный археолог Г.П. Сергеев в 1935 и 1936 гг. провел «хоринскую» и «селенгинскую» экспедиции. Важно, что коллекции, собранные Г.П. Сергеевым, включают в себя, помимо находок, отчеты, дневники, чертежи и рисунки; хранятся они в Национальном музее РБ.

В это же время Михаил Михайлович Герасимов обследовал археологические памятники в нижнем течении р. Селенги, а также приступил к раскопкам Фофановского могильника, открытого Алексеем Павловичем Окладниковым. Однако коллекции не были переданы в музеи Бурятии.

В первой Бурят-Монгольской экспедиции принимал участие и Э.Р. Рыгдылон – первый археолог-бурят. Прошел с разведками значительную часть южных районов Бурятии. В середине 1930-х гг. им разведана долина р. Уды, где были открыты новые памятники наскального искусства, произведены раскопки плиточных могил в Селенгинском аймаке.

Второй Бурят-Монгольской комплексной археологической экспедиции по ряду причин пришлось ждать почти 20 лет. После Великой Отечественной войны вновь назрела необходимость археологического изучения Бурятии. В этой связи была организована экспедиция, проводившая работы в 1947–1958 гг. Возглавил ее известный археолог, внесший огромный вклад в изучение древней истории Сибири, Забайкалья и Бурятии, Алексей Павлович Окладников. В экспедиции начался профессиональный путь плеяды известных археологов, оставивших весомый след в археологии Бурятии. Среди них А.В. Давыдова, Н.Н. Диков, В.Е. Ларичев, антрополог Н.Н. Мамонова, Р.Ф. Тугутов. Кроме них под руководством А.П. Окладникова начала свою работу Евгения Алексеевна Хамзина (Сазонова) (Ил. 4).



Ил. 4. Евгения Алексеевна Хамзина (1928-2015).
Из фондов музея БНЦ СО РАН

В ходе экспедиции были открыты и исследованы многие памятники археологии, охватывающие огромный исторический период от палеолита до средневековья: Фофановский могильник, стоянка на Нижней Березовке, могильник у с. Сотниково, Нижнеиволгинское гуннское городище, памятники в долине р. Селенги и ее притоков и мн. др. Так, в июле-августе 1948 г., как писал А.П. Окладников в своем отчете «…подвергнут разведочному обследованию участок р. Селенги от г. Улан-Удэ до с. Кабанска и тем самым завершено в основном обследование всей долины в пределах республики. Обнаружен ряд новых поселений палеолитического и неолитического времени (в том числе многослойных палеолитических стоянок). Изучались пещерные стоянки, в одной из которых найдено каменное изображение рыбы. Раскопан ряд погребений эпохи неолита и ранней бронзы на Фофановской горе, которые по-новому освещают этапы ранней истории Забайкалья» (Архив Института археологии РАН, ф. 35, д. 53 (далее также – АИА РАН)).

Кроме того, в 1948 г. участниками экспедиции обследована «…долина р. Уда от Еравнинских озер до г. Улан-Удэ. Здесь впервые найдены следы палеолита, изучены многочисленные наскальные изображения, выполненные красной охрой, в том числе на утесе Хотогой-Хабсагай, где оказались самые богатые и разнообразные по содержанию рисунки из числа всех известных до этого за Байкалом» (ИА РАН, ф. 35, д. 53).

В ходе экспедиции получен богатый археологический материал, который в основном был вывезен в центральные учреждения страны. Однако незначительная часть добытого археологического материала была передана в виде археологических коллекций в музеи Бурятии.

В Кяхтинском краеведческом музее им. ак. В.А. Обручева небольшая археологическая коллекция А.П. Окладникова сформирована артефактами с двух памятников Хужир-Дэби (1948 г.) и колхоза «Красный Чикой» (1950 г.). Так как памятники относятся к могильникам, то и предметный состав коллекции типичен для этого вида памятников. Она состоит из костяков, украшений при них и сопроводительного инвентаря. Кроме того, с погребения Хужир-Дэби был передан сруб и камни с погребальной конструкции.

В Национальном музее РБ археологические коллекции второй Бурят-Монгольской экспедиции сформированы артефактами с памятников Тологой, Сотниково, Нижнеиволгинское городище, относящиеся к разным историческим эпохам, тем самым подтверждая комплексный характер этой большой экспедиции.

Новый этап развития археологических коллекций в Бурятии связан со становлением собственной школы бурятской археологии в 1960–1990-е гг., следовательно, и с деятельностью Бурятского комплексного научно-исследовательского института (в последующем был переименован в Бурятский институт общественных наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН).

Созданию коллекций института способствовала деятельность нескольких поколений археологов. Археологические исследования при БКНИИ СО АН СССР начались с приходом выпускников Иркутского и Ленинградского госуниверситетов в начале 1960-х гг. – П.Б. Коновалова и Е.А. Хамзиной. Активно и планомерно ими изучалась история кочевников Забайкалья. Под руководством П.Б.

Коновалова работал Южный экспедиционный отряд, занимавшийся хуннскими памятниками в Кяхтинском, Джидинском и Бичурском районах республики: Черемуховая падь (1963-1966 гг.), Дырэстуйский култук (1968 г.), Ильмовая падь (1964-1968 гг.) и др. Материалы, полученные руководителем работ, хранятся во всех музеях Бурятии, опубликованы в монографиях и статьях, посвященных эпохе хунну (Ил. 5).

Ил. 5. Прокопий Батюрович Коновалов занимается исследованием предметов железного века. Из фондов музея БНЦ СО РАН

Северный отряд под руководством Е.А. Хамзиной изучал разновременные памятники в Баргузинском, Курумканском, Прибайкальском и Иволгинском районах.

Е.А. Хамзина в эти годы активно ведет разведку и проводит стационарные работы на археологических памятниках средневековья, неолита и бронзового века: Толстихино (1962 г.), Нижние Куйтуны (1967 г.), Баянгол (1962-1964 гг.), Чисага (1966-1967 гг.), Ярикто (1964 г.), Онкули (1964 г.), Тапхар (1956 г.), Телятниковский могильник (1963 г.) и др. Огромный фактический материал отразился не только в сформированной коллекции, но и в авторской монографии «Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники)». Свою научную деятельность она начала во второй Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Е.А. Хамзиной переданы материалы со стоянки Посольск и могильника Онкули в Музей БНЦ СО РАН. Раскопки Посольской стоянки, начатые в 1959 г., Е.А. Хамзина завершила в 1963-1964 гг.; однако в фонд Музея БНЦ СО РАН они попали значительно позже – в конце 1980-х гг.

Коллекции 1960-х гг. стали отражением исследовательского интереса – изучение ранних и поздних кочевников на территории Бурятии.

В 1968 г. к работе приступила Л.Г. Ивашина. За ней закрепилось новое – восточное направление, которое включало в себя Еравнинский, Кижингинский, Хоринский районы республики. Благодаря изысканиям Ларисы Гавриловны было открыто и исследовано более полутора десятков стоянок эпохи неолита и ранней бронзы, собраны богатые материалы каменной индустрии, керамики и костей с археологических памятников-поселений Кибалино (1977 г.), Мухино (1977 г.), стоянок Харга (1979 г.), Кулькисон (1977–1978 гг., 1983 г.), могильника Исинга (1973 г.). Работы Л.Г. Ивашиной расширили хронологический диапазон археологических исследований института до неолита и энеолита. Собранный материал в совокупности с данными предшественников вошел в ее монографию «Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии».

Артефакты с археологических памятников Кибалино, Тунка, Нур-Тухум, Сирикта, Нижняя Джилинда, Кулькисон, Харга, Старая Кичера, Бухусан, Алтан переданы в фонд Музея БНЦ СО РАН и Национальный музей РБ. Археологические материалы Л.Г. Ивашиной стали основой неолитической части коллекции каменного века музея, насчитывающей 215 уникальных находок. Это каменные и костяные изделия – наконечники стрел, ножи, скребки; наконечники гарпунов, сложносоставные

крючки, шилья, острия, а также целые керамические сосуды и их фрагменты, уникальные украшения, топоры и тесла из нефрита – отражают динамику культуры неолита Бурятии.

В 1978 г. с созданием в БИОН тематической группы археологов расширяются культурно-хронологические рамки изысканий. Вводятся в научный оборот новые археологические памятники от неолита до средневековья, начинается паспортизация памятников истории и культуры Бурятии.

Под руководством П.Б. Коновалова в этот период работали А.Д. Цыбиктаров, специализирующийся на бронзовом веке; С.В. Данилов, исследовавший поминальники бронзового века, а впоследствии древние города кочевников Центральной Азии (в 1992 г. он становится заведующим лаборатории археологии); Н.В. Именохоев, изучающий культуру кочевников средневековья; А.В. Тиваненко, занимающийся изучением петроглифов и культовых святилищ; А.П. Трифонов, исследовавший многослойное поселение Нижняя Джилинда I. С середины 1980-х гг. к изучению средневековых культур Байкальского региона приступил Б.Б. Дашибалов; а в 1986 г. в секторе археологии появляется единственный специалист по палеоантропологии в Восточной Сибири А.И. Бураев.

Таким образом, к концу 1980-х гг. археологами института были охвачены все исторические эпохи, в институте было сформировано 22 коллекции. Возросший состав и число коллекций свидетельствуют об усилении кадрового состава, расширении географии и объема исследований. Было начато внедрение новых методов и подходов в археологических изысканиях. Фактором очевидного роста исследований и, соответственно, формируемых коллекций стала актуализированная в этот период проблема охраны археологического наследия Бурятии.

Анализ состава коллекций показывает, что в это время активно изучаются такие памятники археологии, как могильник Подчерная (1979 г., П.Б. Коновалов); Енхор (1983-1987 гг.), Баргай (1986 г.), Ацагат (1985 г.), Хойцегор (1985 г.) – Н.В. Именохоев; Нижний Бургултай (1982-1985 гг.), Сутайская феодальная усадьба (1987-1990 гг.) – С.В. Данилов; Хабсагай (1985 г.), Догдо I, II, IV (1988-1990 гг.), Баянгол (1990 г.), могильники Белые Воды (1991 г.), Ина (1991 г.) – Б.Б. Дашибалов.

Пополнение коллекций происходило неравномерно. Анализ показывает ряд пиковых подъемов и спадов в археологических исследованиях БИОН – ИМБТ. К причинам подъема 1960-х гг. мы относим приход молодых ученых П.Б. Коновалова и Е.А. Хамзиной, а также развитие археологического направления в институте, что привело к быстрому росту исследований уже открытых и новых археологических памятников на территории Бурятии, а также к пополнению археологических коллекций. В 1970-е гг. наблюдается резкий рост единиц хранения в коллекциях. По всей видимости, в этот период начинается камеральная обработка и теоретическое осмысление накопленного раннее материала, что косвенно подтверждается выходом в свет ряда монографий, основанных на материалах предыдущего периода.

1980-е гг. – очередной всплеск полевых исследований, главными причинами которого стали, во-первых, создание тематической группы археологов (в последующем археологический сектор); во-вторых, к активной деятельности приступает ряд молодых ученых, серьезно расширивших тематику исследований, соответственно число археологических коллекций.

Коллекции зеркально отражают географию и хронологию ведущихся раскопок.

Во второй половине XX в. продолжилось количественное и тематическое расширение археологических коллекций и в Кяхтинском музее, причем исследователями из других регионов.

В ходе многолетних раскопок (1971-1973 гг., 1975 г., 1977-1979 г. и 1983 г.) было сформировано собрание А.В. Давыдовой. Из раскопок на памятнике у с. Дурены ею была передана 391 ед. хр., относящаяся к эпохе хунну. Важной частью этой коллекции является наличие отчетов о полевых работах. В них А.В. Давыдова подробно дает характеристику памятнику и проделанным за этот период работам, ставит задачи полевых исследований на весь период работ на этом памятнике. Подчеркнем, что найденный материал был передан в музей частично, что подтверждает не только документация музея, но и отчеты автора раскопок. Так, например, в отчете о работах экспедиции в 1978 г. указано, что экспедицией было обнаружено 3956 предметов, большую часть из которых составил массовый материал (обломки керамики, кости животных). В то же время в фонд музея от А.В. Давыдовой поступило 38 предметов; индивидуальные находки (бронзовая пуговица, серьга из бронзовой проволоки с бусиной на конце) переданы в экспозицию музея. Схожая ситуация наблюдается и в другие полевые сезоны: 1979 г. найдено 3080 предметов, в музей поступил 1 предмет – бронзовая печать с изображением козла. Локализация остальной части коллекции нами не установлена. Скорее всего, большая часть коллекции вывезена исследователем в Ленинград. Интересно, что еще одна коллекция предметов хуннского

времени (с Иволгинского археологического комплекса) в 1973-1974 гг. была передана А.В. Давыдовой в Этнографический музей народов Забайкалья. В ее состав вошли 90 предметов различного назначения – обломок зеркала, бусины, раковина каури, кольца, подвески, шилья и проколки, фрагменты керамических сосудов, элементы конской упряжи (книга поступлений Этнографического музея народов Забайкалья).

В составе коллекции С.С. Миняева насчитывается 678 ед. хр. Все они получены в ходе работ на могильнике Дырестуйский Култук – керамические кувшины, украшения, бронзовые и железные изделия, изделия из кости, камня. Весь этот материал автор относит к хуннскому времени. Важно, что так же, как и коллекция А.В. Давыдовой, материалы С.С. Миняева сопровождаются отчетами с фотографиями и чертежами, что придает ей характер комплексного источника.

Бурятскими исследователями и археологами в Кяхтинском краеведческом музее также сформированы коллекции, авторами которых стали Р.Ф. Тугутов. П.Б. Коновалов, А.Д. Цыбиктаров.

Коллекция археологических предметов бывшего директора Кяхтинского музея Р.Ф. Тугутова, много лет работавшего в экспедициях А.П. Окладникова, состоит из 199 ед. хр. и относится к разным историческим эпохам. В ней представлены наконечники стрел из разных материалов, керамические изделия, бронзовые предметы, каменные ножевидные пластины. Небольшая коллекция П.Б. Коновалова содержит 17 ед. хр. и относится к эпохе хунну. Археологические раскопки в 1972 г. произведены специально по просьбе Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В.А. Обручева. Было принято решение раскопать погребение № 58 хунну «среднего достатка». В музей переданы украшения, фрагменты керамических сосудов, железные и бронзовые изделия. К этой коллекции прилагается отчет о раскопках в Ильмовой пади. В отчете есть поэтапное описание работ, находок и конструкции погребения № 58.

Коллекция А.Д. Цыбиктарова представлена 569 ед. хр. Она снабжена научно-делопроизводственными материалами об археологических работах сезона 1981 г. Коллекция А.Д. Цыбиктарова раскрывает разные аспекты жизни населения на территории Бурятии в бронзовом веке. Нельзя не отметить, что в Кяхтинском музее хранится большая необработанная часть коллекции А.Д. Цыбиктарова, не вошедшая до сих пор в фонд музея.

В целом в 1970-1980-е гг. Кяхтинскому краеведческому музею им. ак. В.А. Обручева авторами раскопок было передано 1898 ед. хр. Большинство из них относится к культуре хунну, что свидетельствует об устойчивом научном интересе и потенциале этой тематики. С другой стороны, появился значительный сегмент материалов по бронзовому веку Бурятии. Археологический материал представлен из археологических памятников Южной Бурятии (Кяхтинский, Джидинский, Селенгинский районы) – погребений Ильмовая падь, Дырестуйский Култук, Улзыт, Черемухова падь и др. Поселения представлены памятниками у с. Дурены и Енхор.

В Национальном музее РБ хранится около 6 тыс. археологических предметов, переданных в 1970-1980-х гг. А.В. Тиваненко, в тот период сотрудника Этнографического музея народов Забайкалья. Изменение локализации собрания связано с ужесточением требований к условиям хранения артефактов и отсутствием в ЭМНЗ специального хранилища для предметов археологии.

В 1989 г. начинается формирование археологических коллекций и оформление археологической экспозиции в музее БНЦ СО РАН. В основу археологического фонда положен комплексный и хронологический принцип. Экспозиция археологического фонда музея отражает результаты исследований на территории Бурятии ученых Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ранее БИОН) за последние 40 лет. Структура экспозиции представлена основными археологическими эпохами и культурами. Фонды археологического отдела насчитывают более 3000 ед. хр. и согласно культурно-хронологической периодизации района, охватывают все исторические эпохи: каменный, бронзовый, железный века, средневековье, Новое время.

С 1980-х гг. расширяется тематическая, хронологическая и территориальная проблематика работ, большое внимание уделяется вопросам охраны археологического наследия. Богатый материал, который ныне находится на хранении в Музее БНЦ СО РАН, дали раскопки В.П. Конева (Фофановский могильник) и Л.В. Лбовой (Верхний Мангиртуй). Отметим вкладышевый кинжал из погребения Фофановского могильника, вырезанная из кости голова лося, со всеми характерными чертами этого животного, а также различные украшения: подвески из клыков кабана и резцов марала, кольца, перламутровый бисер и др. Расширенные археологические раскопки были проведены на уже известных базовых неолитических объектах (Мухино, Фофаново) Л.Г. Ярославцевой, В.П. Коневым. Ими получены новые стратиграфические и коллекционные материалы, укрепляющие опорную базу неолита и палеолита. Материалы из раскопок на могильнике Фофаново переданы в фонд музея Е.Д.

Жамбалтаровой. Коллекцию каменного века Музея БНЦ СО РАН пополнили и материалы разведочных работ И.А. Батуева и Н.В. Именохоева, неолитические материалы передали Б.Б. Дашибалов и П.Б. Коновалов со своих раскопок на памятниках Будун и Дунда-Киреть соответственно.

Таким образом, во второй половине XX в. зафиксирован существенный рост числа археологических работ в регионе, что приводит к ускоренному формированию новых и пополнению имеющихся археологических коллекций. Выявлены наиболее полные археологические коллекции, включающие научную документацию. Тем не менее, усиливается тенденция к дискретности локализаций коллекций из одного памятника, что привело к раздроблению собраний и очевидному снижению их источниковедческого потенциала.

Современный период формирования археологических коллекций Бурятии (1991-2019 гг.)

Кризисные 1990-е гг. не могли не отразиться на ходе археологических работ; очевиден спад числа исследовательских экспедиций. Несмотря на это, все же идет работа на ряде крупных памятниках – Баян-Ундэр, Ильмовая падь, могильник Ина и др.; по результатам изысканий публикуются фундаментальные научные труды (Ил. 6).

Ил. 6. Лаборатория археологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Н.В. Именохоев, А.И. Бураев, В.И. Ташак, Э.Р. Гречищев, Б.Б. Дашибалов, П.Б. Коновалов, С.В. Данилов, Е.А. Хамзина, Л.В. Лбова). 1997 г.

С начала 1990-х гг. формируются палеолитические коллекции, чему способствовало начало изысканий В.И. Ташака и Л.В. Лбовой. Это не могло не отразиться на количественном расширении археологического собрания; в настоящее время в составе коллекций эпохи камня более 30 тыс. предметов разного назначения.

Исследования В.И. Ташака на правобережье Чикоя (Кударинский археологический район) выявили серию палеолитических местонахождений, в том числе стоянку Подзвонкая – один из крупнейших памятников раннего этапа верхнего палеолита не только в Бурятии, но и Забайкалья. С 2000 г. им начаты работы в долине р. Алан, впадающей в р. Она (правый приток Уды, крупной водной артерии Западного Забайкалья). К настоящему времени здесь выявлено более полутора десятков различных палеолитических местонахождений, на трех из них (Хэнгэртын Скальная; Хэнгэртын Святилище; Барун-Алан-1) проведены стационарные раскопочные работы. Артефакты из раскопок В.И. Ташака частично входят в экспозицию Музея БНЦ СО РАН, но практически все материалы коллекции находятся в ИМБТ СО РАН.

Л.В. Лбовой, занимавшейся проблемой геоархеологических комплексов на материалах Забайкалья, сформирована коллекция каменного века в Музее БНЦ СО РАН (412 уникальных предметов), причем древний каменный век – палеолит представлен 158 экспонатами. Она исследовала три крупных памятника начальной поры верхнего палеолита (Варварина гора, Каменка-А, Б), представляющих уникальные для Бурятии возможности комплексного палеоэкологического

исследования, а также позволяющие изучать среду обитания палеолитического человека. Дальнейшими детальными изучениями новых памятников в 1998-2001 гг. – местонахождений Хотык (средне- и верхнепалеолитического возраста), Хотогой-Хабсагай и Санный мыс (Онинский геоархеологический район), Усть-Итанца, Ветрово и Бурдуково (Итанцинский финально-палеолитический комплекс) – Л.В. Лбовой были получены подтверждения сложного и динамического процесса становления и развития культуры человека современного физического типа. В 2000-2001 гг. Л.В. Лбова и Б.А. Базаров провели исследование геоархеологического объекта Засухино, известного как опорный биостратиграфический разрез четвертичного периода Прибайкалья, в результате чего в нижне- и среднеплейстоценовых осадках разреза обнаружены артефакты – каменные изделия с искусственной обработкой.

С 1989 по 1995 гг. Л.В. Лбова работала на археологическом памятнике Каменка (комплексы А и Б). Комплекс А представлял собой хозяйственно-бытовой комплекс, орудийный набор которого составили: остроконечники, ножи, скребки, резцы, проколки, выемчатозубчатые, долотовидные и комбинированные орудия, выполненные преимущественно техникой пластинчатого расщепления камня. Находки из комплекса Б исследователь относит к куналейской культуре, так как среди находок этого комплекса преобладали изделия на отщепах, в том числе скребков куналейского типа.

Кроме Каменки Л.В. Лбова вела раскопки на палеолитической стоянке Варварина гора (1990-1992 гг.), поселение Хотык (1997-1999, 2001, 2003, 2006 гг.). Эти находки разнообразны и включают в себя различного рода нуклеусы, разные типы орудий труда (скребки, скребла, проколки, ножи и др.), сколы и предметы неутилитарного назначения.

Эпоха мезолита, так же, как и палеолитический период, представлена материалами раскопок, руководителем которых была Л.В. Лбова. Материалы с археологических памятников Мухор-Тала 2, 3 (слой 1), 5, 7 и Каштак она относит к финально-палеолитическому времени, а мезолитический характер найденных материалов Л.В. Лбова оставляет открытым.

Состав находок разнообразен и представлен скреблами, ножами, скребками, проколками и другими предметами. Однако наибольший интерес вызывает скульптурное изображение животного, возможно бизона, выполненное из окремнелого туфа, на который были нанесены пересекающиеся линии, возможно шерсть. Несмотря на то, что проблема мезолита не решена в археологии, тем не менее, данный хронологический период отражен в коллекции музея как время изменения хозяйственно-культурного уклада населения

Средневековая история Бурятии представлена в Музее БНЦ СО РАН археологической коллекцией Б.Б. Дашибалова. Его коллекция начинает формироваться с середины 1980-х гг. Сегодня она является важной частью археологических коллекций ИМБТ СО РАН, Музея БНЦ СО РАН. Многолетние раскопки погребальных комплексов Приольхонья и Баргузина, источниковедческая работа над археологическими и письменно-историческими материалами, оригинальные историко-этнологические исследования генетических характеристик и пространственных связей курумчинской культуры на «тюркско-монгольском пограничье» раскрывают закономерности развития этой средневековой культуры Байкальской Сибири.

Коллекция Б.Б. Дашибалова представлена рядом археологических памятников, раскопками которых он руководил: могильники Догдо I, II, IV, Баянгол IV, Белые Воды, Ина и др. Важная часть археологической коллекции – это документальное сопровождение работ автора. Частично полевые отчеты хранятся в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, что позволяет дополнить имеющиеся в институте археологические предметы.

В период с 2000 по 2009 гг. число экспедиций незначительно возросло; проводятся разведочные работы и стационарные археологические раскопки. В это же время к работе приступает очередное поколение археологов, которые в скором времени начнут самостоятельные археологические работы.

С начала 2000-х гг. свою работу в ИМБТ СО РАН начали Н.В Цыденова, А.И. Симухин, Д.А. Миягашев, Б.А. Базаров, активно исследующие археологические памятники Бурятии от неолита до Нового времени и формирующие собственные археологические коллекции.

С 2010 по 2018 гг. исследовано 45 археологических объектов, из них более половины (25) – в 2017-2019 гг. Очередной пик изысканий связан, на наш взгляд, с началом работ по гранту Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.2016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии». Работа по проекту позволила существенно улучшить систему хранения, обеспечить надлежащие условия сохранности и оперативный доступ к находкам.

Благодаря изысканиям последних лет ежегодно пополняются имеющиеся коллекции (Иволгинское городище, могильник Ильмовая падь и др.) и появляются новые коллекции (Удинский

острог, хуннский могильник в пади Липовка, хуннский могильник Нур-Тухум, поселение хунну Нижний Мангиртуй, палеолитический комплекс Три Скалы и др.).

В настоящее время в фондах ИМБТ СО РАН находятся на хранении 32 археологические коллекции, охватывающие практически все исторические периоды – от палеолита до Нового времени. В целом археологические коллекции института содержат более 95 тыс. уникальных и типовых артефактов. Большая часть из них относится к так называемому массовому материалу – кости животных, фрагменты керамических сосудов, осколки черепицы и кирпича, антропологический материал, элементы каменного производства (сколы, пластины, отщепы). Важную часть составляют и индивидуальные находки (наконечники стрел, бытовые предметы, предметы конской упряжи, бронзовые зеркала, разнообразные украшения, остатки ткани и элементы одежды и др.).

Коллекции сформированы по локально/персональному принципу (памятник/автор). Исключением является коллекция В.И. Ташака, которая рассматривается нами как единая коллекция по палеолиту. Внутренняя группировка происходит по году работы на археологическом памятнике.

Таким образом, на формирование и локализацию археологических коллекций в Бурятии повлиял ряд факторов:

- систематические археологические полевые работы (раскопки, разведки, обследования и др.). Так, например, увеличение археологических исследований в 1970-1980-е гг.; а также расширение тематического поля исследований отразилось и на числе археологических коллекций в Бурятии. Современные направления в археологии Бурятии способствуют появлению новых археологических коллекций (например, коллекция Удинского острога 2016-2019 гг.);

- уровень организации археологических исследований отражается на качестве археологических коллекций. Этот фактор выражается в финансовых возможностях экспедиций, подготовке работников, наличии современного экспедиционного оборудования;

- наличие музеев, готовых принимать археологические коллекции – важный фактор формирования коллекций в регионе. Он позволил не только сформировать археологические коллекции, но и сохранить их в Бурятии;

- несоответствие нормативно-правовой базы и нехватка мест в музеях для хранения всего археологического материала, получаемого в ходе археологических работ, приводит к формированию коллекций в академических и образовательных учреждениях.

Анализ принципов образования коллекций в Бурятии показал, что основания систематизации археологического фонда в разных учреждениях отличаются. Выявлены следующие принципы группировки:

- авторские коллекции, в их основе лежит принцип авторства. Под автором коллекции понимается руководитель раскопок, который впоследствии передал на хранение коллекцию: в Кяхтинском краеведческом музее выявлены коллекции Ю.Д. Талько-Грынцевича, П.С. Михно, А.П. Мостица, А.Д. Цыбиктарова, Р.Ф. Тугутова; в Национальном музее РБ – коллекции Э.Р. Рыгдылона, Л.Г. Ивашиной и др., в Музее БНЦ СО РАН – коллекция Б.Б. Дашибалова и т.п. Кроме того, авторские коллекции передаются на хранение в музей руководством или представителем научного учреждения в тех случаях, когда сам автор не может их передать лично. При этом, за исследователем, руководителем раскопок сохраняется авторство на коллекцию;

- коллекции, в основу которых положена историческая эпоха: коллекции палеолит – мезолит; неолит – энеолит; хунну в Национальном музее РБ; коллекции Музея БНЦ СО РАН;

- коллекции, сформированные по принципу принадлежности к одному памятнику. В данном случае все материалы с одного памятника для цельного восприятия этого археологического объекта и той культуры, к которой объект относится, объединены в одну коллекцию. Например, в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии – коллекции «Иволгинское городище»; «Ильмовая падь»; «Кулькисон» и др.

Для обеспечения полноценной работы по интерпретации материалов коллекций необходимо решать ряд проблем, связанных с сохранностью и целостностью археологических коллекций, с сохранением и передачей в музеи накопленного материала.

К археологической коллекции применяется ряд требований: сохранность, возможность проверки, доступ ученых для исследований. Но наиболее важным требованием к археологической коллекции является принцип комплексности или целостности, основа которого заключается в единстве массового материала и уникального. Соблюдение этого принципа позволило бы объединить под одной организацией весь объем археологического материала, либо не делить археологическую коллекцию

между несколькими организациями. Кроме того, целостность археологической коллекции видится и в наличии при них разной сопроводительной документации: полевой, отчетной, музейной.

Нарушение целостности археологической коллекции приводит к проблемам их сохранности. Здесь стоит сказать о причинах, которые приводят если не к потере или уничтожению предмета – коллекции, то к потере связи археологической коллекции с археологическим объектом. Среди этих причин выделяются следующие: 1) утрата полевых или музейных шифров/маркировки; 2) ошибки в ведении полевой и музейной документации (описях, инвентарных книгах, книг поступлений, отчетов и др.); 3) отсутствие связи между полевой и музейной документацией. Несмотря на то, что В.С. Баранов выделил эти причины применительно для условий хранения археологических коллекций Республики Татарстан, они характерны и для Бурятии. В связи с этим видится необходимой выработка общих правил учета и хранения археологических коллекций как особого вида. Для этого необходимо закрепление понятия «археологическая коллекция» на законодательном уровне, что до сих пор не сделано. Кроме того, его нет и в «Положении о порядке проведения археологических полевых работ».

Таким образом, на развитие археологических коллекций влияют разные факторы, определяющие собственно наличие археологической коллекции, сопроводительной документации, место хранения и принцип деления археологического материала. Это и связь археологических исследований с процессом образования коллекций, и наличие у музеев необходимых площадей для хранения большого объема археологического материала, а также нормативно-правовая база, которой исследователи руководствуются при проведении работ, и уровень организации и подготовки археологических исследований позволяет повысить уровень сохранности коллекций, обеспечить их целостность.

Важной особенностью археологических коллекций Бурятии является их дуалистический характер – как источник по истории науки в Бурятии и как источниковая база для историко-археологических исследований.

Подводя итоги раздела, отметим, что со второй половины XX в. системный подход к археологическим исследованиям в регионе отразился на географических и хронологических рамках создаваемых коллекций. Появляются академические коллекции. Кроме того, археологи института передавали свои материалы в музеи республики.

Так, например, П.Б. Коновалов – в Краеведческий музей в Кяхте, Л.Г. Ивашина – Национальный музей РБ, Б.Б. Дашибалов – музей БНЦ СО РАН. Благодаря новым материалам, ежегодно пополняются имеющиеся и появляются новые коллекции. Стоит отметить, что археологические коллекции института самые многочисленные и представительные, а археологи ИМБТ СО РАН сотрудничают с музеями республики, передавая им на хранение часть артефактов. Часто эти материалы представлены индивидуальными находками с повышенными аттрактивными свойствами.

С внедрением новых методов и технологий расширяется возможность интерпретации найденного материала, источниковедческое изучение которого позволяет детализировать развитие археологии в Бурятии, проанализировать динамику изменения хронологических рамок и углубление тематики изысканий. Затронутые проблемы, связанные с целостностью и сохранностью археологических коллекций, необходимо решать путем выработки общих правил по отношению к археологическим коллекциям, как для музейных сотрудников, так и для археологов. Для этого и предлагается универсальное понимание археологической коллекции как комплексного исторического источника.

Вопросы для самоконтроля:

1. Когда были проведены первые раскопки в Забайкалье?
2. С кем связано создание первых археологических коллекций в Бурятии?
3. Каких результатов достигла первая Бурят-монгольская археологическая экспедиция?
4. В каких районах Бурятии работал Северный археологический экспедиционный отряд под руководством Евгении Алексеевны Хамзиной?
5. Перечислите археологические памятники, где научными сотрудниками ИМБТ СО РАН велись исследования в 2010-2019 гг.

Литература

1. Антонова Ю. Е. Археологические коллекции музея БНЦ СО РАН / Ю. Е. Антонова, С. А. Батурин // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. – 2018. – № 3(7). – С. 27-35. – DOI 10.31443/2541-8874-2018-3-7-27-35.

2. Антонова Ю. Е. Музей и наука: опыт подготовки новой археологической экспозиции музея БНЦ СО РАН / Ю. Е. Антонова, С. А. Батурин // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета : материалы междунар. науч. конф. (10-12 нояб. 2011 г., Кемерово). – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. – С. 119-121

3. Баранов В. С. Целостность археологических коллекций в музейном хранении: Эффект «распредмечивания» // Археология Евразийских степей. – 2019. – № 5. – С. 66-74.

4. Данилов С. В. Средневековые поселения Западного Забайкалья // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1992. – С. 136-144.

5. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. научного центра Сибирского отд-ния Рос. академии наук, 1995. – 191 с.

6. Дашибалов Б. Б. Байкальская Сибирь в средние века / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. – 65 с.

7. Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии / Л. Г. Ивашина. – Новосибирск : Наука, 1979. – 157 с.

8. Именохоев Н. В. О научных исследованиях Э. Р. Рыгдылона – первого бурятского ученого археолога *(к 110-летию со дня рождения)* // Известия Лаборатории древних технологий. – 2016. – № 4. – С. 135-146. – DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-135-146.

9. Коновалов П. Б. Археологические исследования в Бурятском научном центре (начало XX – начало XXI в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 3 (7). – С. 26-48.

10. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. – 248 с.

11. Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Забайкалья / Л. В. Лбова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. научного центра Сибирского отд-ния Рос. академии наук, 2000. – 240 с.

12. Миллер Г. Ф. История Сибири : [пер. с нем. : в 2 т.]. Том 1 / Г. Ф. Миллер. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1937. – 608 с.

13. Окладников А. П. История и культура Бурятии : сб. ст. / А. П. Окладников. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. – 460 с.

14. Полное собрание законов Российской империи : [Собрание 1-е.]. Т. 5. – Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. – 781 с.

15. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Т. II : Памятники археологии / науч. ред. П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ : НоваПринт, 2011. – 388 с.

16. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году : дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1882. – 214 с.

17. Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. – Санкт-Петербург : Фонд «Азиатика». – 1999. – 123 с. – (Археологические памятники сюнну ; Вып. 4).

18. Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты / В. И. Ташак. – Улан-Удэ : Тип. изд-ва БНЦ СО РАН, 2005. – 128 с.

19. Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники) / Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. – 142 с.

20. Ярославцева Л. Г. Первые археологи Бурят-Монгольского (Верхнеуднского) краевого музея – А. П. Бажин, В. В. Попов, Г. П. Сергеев. Их вклад в формирование фондовых коллекций // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы конф., Улан-Удэ, 07-08 апр. 2015 года. – Иркутск : Оттиск, 2015. – С. 482-489.

21. Кяхтинский краеведческий музей им. ак. В. А. Обручева. [Архивный фонд]. Д. 4244-12, л. 1-9.

РАЗДЕЛ 2.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БУРЯТИИ

Ключевые слова: *исторический источник, Бурятия, палеолит, неолит, бронзовый и железный век, средневековье, Новое время.*

Каменный век.

Единственным источником исторической информации по каменному веку в полной мере выступают археологические коллекции. С их помощью появляется возможность реконструкции социальной, хозяйственной, духовной сторон жизни населения этого периода.

Анализ источникового потенциала коллекций осуществлен в контексте интерпретации исторического процесса Бурятии, в соответствии с периодизацией, принятой в научном сообществе.

Эпоха камня – самый продолжительный период в истории человечества, в течение которого были заложены все основы человеческих отношений, мировоззрения, культуры. Каменный век, по последним данным, начался около 2,5 млн. л.н., завершился около 3 тыс. л.н. и делится на три периода: палеолит, мезолит и неолит. Каждый из них имеет свою внутреннюю периодизацию. В ходе этапов каменного века эволюционным путем шло становление самого человека, общества, происходило развитие хозяйственной деятельности, зародилась и получила развитие духовная жизнь человечества.

В ходе работы были выявлены целостные и разделенные археологические коллекции, установлены места их хранения. Под разделенной коллекцией подразумевается передача археологического материала с одного памятника в разные учреждения авторами раскопок. Дискретность хранения, как нам кажется, приводит к трудностям работы с ними.

Каменный век в археологических коллекциях Бурятии представлен в Национальном музее РБ, Кяхтинском краеведческом музее им. ак. В.А. Обручева, музее БНЦ СО РАН, ИМБТ СО РАН.

Одна коллекция хранится в Этнографическом музее народов Забайкалья. В Национальном музее РБ эпоха камня представлена материалами с памятника Хоронхой, стоянкой Хотогой-Хабсагай, Усть-Заза палеолитической стоянки Удунга, неолитической стоянки Котокель-Бани.

В фондах Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В.А. Обручева хранятся археологические коллекции, относящиеся к следующим памятникам: местонахождение открытого типа Кяхта (Кяхтинский обрыв), местонахождение Урлук, поселение у с. Зарубино, палеолитические стоянки Ботойская яма, Ивашка, Дюрбены, Дурены.

Единственным местом хранения материалов с дюнного поселения и могильника Нижние Куйтуны является ИМБТ СО РАН.

Археологические коллекции с разновременной стоянки (мезолит – ранняя бронза) стоянки Каштак, стоянок Хаян, Баин и Чесан находятся в фондах музея БНЦ СО РАН. Существенная часть коллекций в силу разных причин была разделена и сегодня находится на хранение в разных учреждениях.

Так, сразу в четырех учреждениях есть артефакты из раскопок разновременного памятника Мухино; материалы хранятся в Национальном музее РБ, Этнографическом музее народов Забайкалья, музее БНЦ СО РАН, ИМБТ СО РАН. Мухино – многослойный памятник, который охватывает период палеолита, мезолита и бронзового века. Находится он в 20 км от Улан-Удэ и в 5 км к юго-западу от пос. Сокол. Памятник был открыт А.П. Окладниковым. Исследовался в разное время П.Б. Коноваловым, Л.Г. Ярославцевой, М.В. Константиновым, В.П. Коневым.

Причины такого разделения кроются в значимости этого археологического памятника и интереса, который представляют находки, обнаруженные в ходе работ на нем. Кроме того, немаловажным является и принадлежность исследователя археологического объекта к той или иной организации.

Так, П.Б. Коновалов в начале 1960-х гг. проводил работы на этом памятнике, вследствие чего материал попал на хранение в БИОН (ныне ИМБТ СО РАН). Л.Г. Ярославцева, будучи сотрудником Музея истории Бурятии (сейчас НМ РБ), работала на указанном памятнике совместно с В.П. Коневым в 1980-е гг. и передала на хранение в музей полученные материалы. Мухинские материалы также хранятся и в Забайкальском крае, перевезенные туда М.В. Константиновым в 1980-е гг.

Между тремя учреждениями разделены следующие археологические коллекции: стоянка Номохоново (НМ РБ – ККМ – ИМБТ СО РАН); палеолитическая стоянка Усть-Кяхта, стоянка Муханские озера (НМ РБ – ИМБТ СО РАН – Музей БНЦ СО РАН).

Основная причина разделения этих археологических коллекций в том, что на данных памятниках в разное время производили исследования сотрудники упомянутых учреждений. Так, в конце XIX в. первые палеолитические материалы со стоянки Номохоново в ходе разведочных работ в долине р. Селенги получил А.П. Мостиц. Будучи сотрудником Кяхтинского краеведческого музея эти материалы были переданы им в этот музей. В Национальном музее РБ коллекция с палеолитического памятника Номохоново была получена в ходе работ А.П. Бажина в 1924 г., который в то время был директором Верхнеудинского краеведческого музея (ныне Национальный музей РБ).

Выявлены следующие археологические коллекции, разделенные между двумя учреждениями: поселение Ошурково (НМ РБ и ИМБТ СО РАН); поселение Хотык, стоянка Варварина гора, стоянка-мастерская Мухор-Тала, Фофановский могильник и местонахождение эпохи палеолита (НМ РБ и Музей БНЦ СО РАН); поселение у д. Поворот (ККМ им. ак. В.А. Обручева и Музей БНЦ СО РАН); поселение Кибалино, неолитическая стоянка Кулькисон, палеолитические комплексы: стоянка Барун-Алан, поселения Подзвонкая и Хэнгэр-Тын, стоянки Хэнгэрэктэ, Три скалы, поселение Каменка (комплексы А и Б), местонахождение Тунка (ИМБТ СО РАН и Музей БНЦ СО РАН).

Причины разделения различны. Так, поселение у с. Ошурково расположено в 6 км к северу от села. Хронологически поселение относится к эпохам палеолита – неолита и было открыто в 1951 г. А.П. Окладниковым, частично полученные им материалы были переданы в Музей истории Бурятии. Кроме него на Ошурковском поселении работала в 1958 г. Е.А. Хамзина. Ее данные пополнили коллекцию музея с этого памятника. В институт они попали в ходе выполнения хоздоговорных работ в 2016 г. В ходе реконструкции автодороги Иркутск – Улан-Удэ для исследования этого поселения были приглашены специалисты-археологи этого института. Таким образом, в этом случае причиной разделения коллекции является разное время исследования памятника.

Поселение Хотык, которое датируется 80-20 тыс. л.н., расположен на правом берегу р. Она Хоринского района Республики Бурятия. В период с 1990-х по 2000-е гг. под руководством Л.В. Лбовой производились раскопки этого памятника. Будучи не только сотрудником ИМБТ СО РАН, но и руководителем Музея БНЦ СО РАН, материалы с этого памятника Л.В. Лбова передала в состав коллекций музея БНЦ СО РАН.

По этой же причине в музей БНЦ СО РАН на хранение попали материалы с другого, не менее известного объекта археологического наследия Варварина гора. Памятник расположен севернее с. Старая Брянь, на левом берегу р. Брянки у подножья горы Данилина. Открыт памятник в 1964 г. Д.Б. Базаровым и Е.А. Хамзиной. В 1970-е гг. археологический объект исследовал А.П. Окладников, который впоследствии вывез полученный материал в Новосибирск в Институт археологии и этнографии СО АН. В начале 1990-х гг. на памятнике работала Л.В. Лбова и передала полученную археологическую коллекцию в Музей БНЦ СО РАН.

Обязанностью археологов является передача полученного материала в государственный музейный фонд. По этой причине автор раскопок имеет право и обязанность передачи полученного материала в музей. Так, Л.В. Лбова отдала материалы с отмеченных выше памятников в Музей истории Бурятии (сейчас это Национальный музей РБ), а также заготовку нуклеуса из гальки (ВГ-92, кв. – Б2,3); фрагмент широкой пластины с ретушью и поперечным косым сколом (остроконечник) (ВГ-93, кв-Б2); проколку из пластины (ВГ-93, кв-С7).

Памятник Мухор-Тала был открыт и исследован Л.Г. Ярославцевой в 1989 г., материалы этой экспедиции в виде археологической коллекции вошли в состав фонда НМ РБ. Результатом исследований 1995 и 1997 гг. стала коллекция, переданная в музей БНЦ СО РАН.

Фофановский могильник – объект археологического наследия, расположен к востоку от одноименного села, находящегося в Кабанском районе Бурятии. Открыт он в 1926 г. А.П. Окладниковым, а раскопки на этом объекте проводили М.М. Герасимов, В.П. Конев. Кроме них на этом памятнике в середине 2000-х гг. раскопки проводила Е.Д. Жамбалтарова, она же передала полученные находки в состав археологических коллекций музея БНЦ СО РАН. В музее хранится

богатая археологическая коллекция, включает в себя «…3 тысяч ед. антропологического материала и несколько сотен артефактов».

Что касается разделения коллекций между ИМБТ СО РАН и музеем БНЦ СО РАН, то причины кроются в тесном сотрудничестве исследователей двух учреждений, а также и слиянии археологической и музейной деятельности. В разное время директорами Музея БНЦ СО РАН были три археолога – Л.В. Лбова, В.И. Ташак, Е.Д. Жамбалтарова. Двое из этих директоров по совместительству были сотрудниками ИМБТ СО РАН – Л.В. Лбова и В.И. Ташак. Вероятно, по этой причине в состав археологической коллекции музея БНЦ СО РАН попали артефакты памятника Каменка (комплексы А и Б), а также предметы временного хранения палеолитической стоянки Барун-Алан, поселения Подзвонкая, находящиеся в экспозиции музея.

Других вариантов совпадений по археологическим коллекциям не выявлено.

Часть археологического материала была вывезена из Бурятии и вошла в состав археологических коллекций музеев других городов России.

Так, в Государственном Эрмитаже под № 1347 и 1400 хранятся материалы с неолитической стоянки Тологой III (Иволгинский район), на которой производил археологические работы Г.П. Сосновский. В ее составе фрагменты керамики, отщепы, скребки и ножевидные пластины.

Археологические материалы с неолитического местонахождения Тунка Тункинского района в Бурятии, полученные Г.Ф. Дебецом в 1929 г., также хранятся в Эрмитаже, но еще в 60-х гг. XIX в. И.С Поляковым, а позднее в 1871 г. – П.А. Ровинским на указанном памятнике производились исследования. Материалы этих работ сегодня находятся в Иркутском областном краеведческом музее. Также в нем хранятся материалы, относящиеся к каменному веку, полученные в ходе разведочных работ в долинах рек Чикоя и Селенги, всего около 600 предметов. Фрагменты керамики и каменные орудия с неолитической стоянки, расположенной на о-ве Ярки, а также фрагменты орнаментированных керамических сосудов, наконечники стрел, клиновидные нуклеусы, призматические пластины, проколки, концевые скребки и заготовки орудий с неолитической стоянки Душкачан Северо-Байкальского района Бурятии также хранятся в Иркутском областном краеведческом музее.

Институт археологии и этнологии СО РАН (ИАиЭ СО РАН) имеет на хранении материалы, относящиеся к каменному веку, с неолитической стоянки падь Уточкина и поселения эпох палеолита – неолита Ошурково (оба памятника в Иволгинском районе РБ). Материалы с этих памятников добыл в ходе Бурят-Монгольской археологической экспедиции А.П. Окладников в 1948 и 1951 гг.

Кроме ИАиЭ СО РАН ошурковский материал имеется в Забайкальском государственном педагогическом университете (ЗГПУ), полученный М.В. Константиновым во время археологических работ в 1986 и 1996 гг. В ЗГПУ хранится археологический материал с неолитического местонахождения Зурган-Дэбэ, переданный М.В. Константиновым в 1971 г.

В Национальном музее РБ каменный век представлен 18 памят-никами, среди которых такие археологические памятники, как палеолити-ческие стоянки Няньги I и II, Варварина гора, палеолитическое поселение Хотык, Фофановский могильник, многослойный памятник (палеолит-мезолит) Мухино, Номохоново, поселение эпохи неолита – энеолита Посольск, Харга I и др.

Основываясь на книге поступлений Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В.А. Обручева, в археологическом фонде хранятся коллекции, относящиеся к каменному веку с 13 археологических памятников. В их число входят: местонахождение открытого типа Хоронхой, стоянка Номохоново, палеолитический комплекс Усть-Кяхта, палеолитическое поселение Зарубино, палеолитическое поселение у д. Поворот и др.

ИМБТ СО РАН имеет самое представительное собрание археологических коллекций по сумме всех входящих в них артефактов, относящихся к каменному веку. Здесь представлены материалы с палеолитических комплексов Барун-Алан, Усть-Кяхта, Хэнгэрэктэ, Три скалы, Подзвонкая; неолитические материалы с могильников Исинга, Бухусан; стоянок Харга, Муханские озера, Кибалино, Мухино, Кулькисон и др. Всего коллекций по каменному веку 19 (Ил. 7).

Ил. 7. Л.Г. Ивашина, С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Е.А. Хамзина проводят осмотр археологической коллекции

В музее БНЦ СО РАН коллекция каменного века представлена 25 археологическими памятниками. Среди них: палеолитическая стоянка Варварина гора, Верхний Мангиртуй, палеолитические комплексы Барун-Алан, Усть-Кяхта, Хэнгэрэктэ, Три скалы, разновременная стоянка Каштак и др.

В Этнографическом музее народов Забайкалья есть небольшая коллекция с разновременного памятника Мухино.

Таким образом, каменный век от палеолита до неолита широко представлен разными археологическими памятниками в учреждениях культуры и науки как Бурятии, так и других городов России (Санкт-Петербург, Новосибирск, Чита, Иркутск).

Вышеперечисленные археологические коллекции позволили получить существенный объем исторической информации, которая вошла в научные публикации не только археологов Бурятии, но и других регионов страны.

Находки, вошедшие в археологические коллекции, позволили вынести предположение о том, что территория Бурятии начала заселяться 800-500 тыс. л.н. Имеются находки, относящиеся к среднему палеолиту, возрастом от 50 до 100 тыс. л.н. Однако в Бурятии наиболее изученной и хронологически обоснованной является эпоха верхнего палеолита, датирующаяся 40-35 тыс. л.н. до 11-10 тыс. л.н. В конце верхнего плейстоцена «…начался новый прогрессивный период древнего Забайкалья – мезолит», который датируется с 11-10 тыс. л.н. до 7-6 тыс. л.н.

Эпоха неолита для Забайкалья начинается около 7-6 тыс. л.н. и продолжается приблизительно до 4 тыс. л. н. В отдельный переходный период от каменного к бронзовому веку выделяют так называемый энеолит (меднокаменный век), который датируется концом III – началом II тыс. до н.э.

Особенностью этой эпохи являлось производство каменных орудий труда. Они были основным инвентарем, что полностью отразилось в археологических коллекциях. В своем развитии они прошли эволюционный путь от крупных архаичных изделий из массивных пластин до тонких микропластин. В период с 18 до 11 тыс. л.н. наличие микропластин становится типичной чертой материальной культуры населения того времени.

Основой хозяйственной деятельности в палеолите была охота, которая являлась главным источником получения продуктов питания, одежды и сырья для изготовления костяных орудий, оружия и украшений. Палеолитическое население Бурятии вело охоту на диких лошадей, бизонов, носорогов, степных антилоп (дзерены), оленей, горных баранов. В финальном палеолите появляются находки, свидетельствующие о зарождении в это время рыболовства (кости рыб, орудия рыбной ловли).

Проблема выделения мезолитического времени в Бурятии остается дискуссионной. Сегодня выделить этот исторический период по технологическим и/или типологическим особенностям сложно, поэтому его границы определяются по хронологическому признаку.

Мезолит Бурятии характеризуется высокой мобильностью населения. Переход к подвижной жизни исследователи в первую очередь связывают с природно-климатическими изменениями в регионе. Это отразилось и на конструкции жилищ. В это время традиция постройки жилищ с каменными обкладками сохранилась, но уменьшается их площадь, что связывают «… с большой подвижностью населения в мезолите».

Кроме того, эти процессы отразились и на охотничьих приемах, и хозяйстве в целом. В это время возрастает роль рыболовства в обеспечении продуктами питания. Об этом свидетельствуют находки орудий рыбной ловли (костяные гарпуны, стерженьки и крючки). Продолжает совершенствоваться техника обработки камня, появляется отжимная техника получения микропластинок.

В неолите происходят важные изменения в хозяйственной деятельности. Возникают новые виды человеческой деятельности – гончарное, ткацкое, зарождается производящее хозяйство – «… земледелие и, возможно, скотоводство», каменная индустрия достигла самого высокого уровня. Но все эти нововведения произошли на завершающем этапе неолита. На ранних же этапах сохранялись мезолитические традиции в каменной индустрии, хотя «по облику и технике изготовления некоторые типы орудий, такие как, например, острия на призматических пластинах нередко с частичной ретушью, или трансверсальные резцы на пластинчатых отщепах остаются архаичными». В неолитическое время населением осваивается гончарное производство, поэтому в археологических коллекциях неолитического времени, наряду с каменным инвентарем, обнаруживаются фрагменты керамических сосудов.

Основой хозяйственной жизни были охота, рыболовство и собирательство. Однако изменения в погребальном обряде свидетельствуют о зарождении специализированных форм охоты и рыболовства. О роли рыболовства указывают обнаруженные фрагменты гарпунов и кости рыб. Захоронения этого времени являются наиболее ранними погребальными памятниками, которые известны на территории Бурятии.

Развитой неолит продолжает и совершенствует традиции предшествующего периода – полуоседлый образ жизни охотников и рыболовов. Каменные орудия труда изготавливаются техникой отделения ножевидных пластин от призматических нуклеусов. В изготовление костяных орудий также сохранилась техника раннего неолита. Места под поселения выбирались на береговых террасах, маломощный культурный слой которых свидетельствует о краткосрочности существования поселения. Вызывают сложности реконструкция типов жилищ.

Итак, в состав коллекций эпохи камня входят разнородные объекты: артефакты из камня, кости, керамики; палеонтологические остатки; антропологический материал. Многие не сохранили целостность и включены в коллекции фрагментарно.

Несмотря на то, что на основе многих материалов авторами исследований уже были изданы фундаментальные научные труды, интерес к изучению каменного века не угасает. Так, в период с 2009 по 2018 г. в музее БНЦ СО РАН было выдано 281 ед. хр. с различных памятников этого периода. Их изучали 10 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Тюмени и других городов; представители разных наук – археологи, палеонтологи, геологи. Этот факт, с одной стороны, подтверждает непреходящий интерес к исследованию каменного века, а с другой – свидетельствует о развитии и активном использовании новых мультидисциплинарных методов, применимых и к изучению материалов, ранее введенных в научный оборот.

Большое внимание в последнее десятилетие уделяется и антропологическим останкам эпохи неолита (мог. Фофаново). Важно, что с краниометрическими, одонтологическими и остеологическими материалами работали не только физические антропологи, но и представители лабораторий, проводящих генетические исследования, из Японии, Франции, Швеции. Все это, несомненно, способствует вводу новых сведений в научный оборот.

Таким образом, археологические коллекции, отражающие эпоху камня, являются единственным источником изучения этого продолжительного исторического периода. Состав коллекций позволяет реконструировать, хотя и не в полном объеме, различные стороны жизни человека эпохи каменного века. Качественный источниковедческий анализ находок позволяет определить время освоения территории Бурятии в древности, определить технику и технологию обработки камня, изучить хозяйственные, бытовые и ритуальные аспекты человеческой жизнедеятельности. Используя методы

других наук при работе с коллекциями, становится возможным реконструировать экологическую ситуацию, определить состав флоры и фауны, окружавших древнего человека.

Бронзовый и ранний железный век.

Переход от эпохи камня к бронзовому веку не был одномоментным явлением, а стал плавным и постепенным. Время этого перехода в литературе выделяется в отдельный исторический период энеолита, или меднокаменный век. На территории Забайкалья и Бурятии он датируется второй половиной III – началом II тыс. до н.э. Начало систематических исследований бронзового века на территории Бурятии пришлись на конец XIX в.

Наиболее важной чертой этого периода становится внедрение в хозяйственную жизнь нового материла – металла и переход к производящему хозяйств, преимущественно скотоводству. Тем не менее, охота занимала весомое место в структуре хозяйственной деятельности, а для населения, проживающего на берегах водоемов, значительную роль играла рыбная ловля. Об этом говорят частые находки предметов рыбной ловли – рыболовные крючки, гарпуны, грузила, а также кости рыб (окуня, омуля, сига). По мнению исследователей, значение охоты и рыболовства менялось в зависимости от времени года.

Несмотря на то, что люди в хозяйственной деятельности начинают использовать новый материал, стоит сказать, что «… бронза в это время еще не вытеснила окончательно камень: наряду с бронзовыми орудиями широко употреблялись всякого рода скребла, скребки из кремня и халцедона. В эпоху энеолита и ранней бронзы, как считают ученые, техника обработки камня и набор изделий не отличались от эпохи неолита. В то же время по мере улучшения уровня обработки металла прослеживается уменьшение качества и количества изделий из камня. В это время появляются первые изделия из меди и бронзы, а именно: ножи, рыболовные крючки, иглы, шилья и др. Стоит отметить, что первые изделия изготавливались с применением приемов, которые были свойственны при производстве каменных артефактов. Эта особенность стала определяющей для переходного этапа от камня к бронзе.

Стоянки этого времени не несут следов долговременных жилищ типа землянок, что говорит либо о краткосрочном проживании, либо о сезонности обитания на стоянках. Инвентарный набор погребений и погребальный обряд в целом свидетельствует об изменениях в социальной сфере. Так, по всей видимости, возрастает роль мужчин в обществе и, возможно, в это время формируется патриархальный уклад жизни. Что касается этнокультурной составляющей, то в этот период в целом по Забайкалью сложно говорить о едином этническом и культурном компоненте.

Становление бронзового века в Бурятии связано с повсеместным распространением бронзового предметного комплекса, который представлен украшениями, ножами, кинжалами и мечами. Археологические коллекции в музеях Бурятии и ИМБТ СО РАН изобилуют бронзовыми предметами. Важной составляющей коллекций остается и керамика, технология производства которой совершенствуется, меняется художественное оформление керамической посуды (Ил. 8).

Ил. 8. И.А. Батуев, С.В. Данилов, Н.В. Именохоев изучают бронзовый меч из фонда музея БНЦ СО РАН

Археологические памятники этого времени относятся к культуре плиточных могил и керексуров (херексуров). При этом часто курганы-керексуры «…встречаются на одном могильном поле с плиточными могилами, что вызывает вопрос о соотношении этих памятников». Такие взаимные контакты привели к «…частичной взаимной ассимиляции и вытеснению населения керексуров в западные районы Центральной Азии». Кроме могильников на территории Бурятии имеются стоянки, Оленные камни и петроглифы этого времени.[1]

Происходившие в эпоху бронзы события стали закономерным результатом предшествующего развития древнего населения Бурятии. На социально-экономические процессы повлияла и природно-климатическая ситуация, в результате чего скотоводство приобрело подвижные, кочевые формы.

В Бурятии кочевая цивилизация бронзового века оставила многочисленные могильники, что отражено в археологических коллекциях. В то же время слабоизученными остаются поселенческие комплексы бронзового века. Это, по мнению Э.А. Новгородовой, связано с незначительной глубиной культурного слоя памятников этого времени, что затрудняет их поиск и исследование.

Каким образом состав имеющихся археологических коллекций в регионе способствовал углубленным исследованиям процессов, относящихся к бронзовому веку? Бронзовый век в археологических коллекциях Бурятии представлен 22 археологическими памятниками, которые хранятся в НМ РБ, ККМ им. В.А. Обручева, ИМБТ СО РАН, музее БНЦ СО РАН и ЭМНЗ.

Особенность коллекции Этнографического музея народов Забайкалья заключается в реконструкции ряда памятников, относящихся к бронзовому веку. На территорию музея были перевезены плиточные могилы с могильника Шубугуй Хоринского района РБ, Кибалино Иволгинского района РБ; курган-херексур, перевезенный с могильника Улзыт Кяхтинского района. На территории Этнографического музея расположены сторожевые камни (малый и большой) из Хоринского района; оленный камень из с. Верхний Мангиртуй Бичурского района. Кроме того, осуществлена реконструкция кладок энеолитического времени, которая была перевезена с горы Большой Тологой Иволгинского района. Из Тункинского района вывезены кладки кочевников позднего средневековья, а также перевезены с Иволгинского района валуны с петроглифами (наскальные рисунки).

Ряд коллекций, сформированных на основе материалов с одного памятника, разделены между двумя учреждениями. Так, материалы могильников бронзового века Сотниково и Ацагат хранятся в НМ РБ и ИМБТ СО РАН; артефакты с раскопок могильников II-I тыс. до н.э. Баргай, Хайласын, могильники Алтан и Каменка – в ИМБТ СО РАН и музее БНЦ СО РАН. Причины разделения этих коллекций аналогичны ситуации с коллекциями каменного века.

Могильник Сотниково (бронзовый век – средневековье) открыт в 1935 г. Г.П. Сергеевым. В 1948 г. А.П. Окладников раскопал 8 могил, из них 6 плиточных и 2 средневековые. Находки представлены костяными наконечниками стрел, роговой пряжкой, костяной застежкой, отбойниками, костяной накладкой на лук, фрагментами орнаментированной керамики и др.

Материалы с могильника бронзового века Ацагат, расположенного в 6 км на запад от с. Нарын-Ацагат и насчитывающего около 30 могил, в Национальный музей попали через Э.Р. Рыгдылона, открывшего его в 1935 г. Позднее там работал А.П. Окладников (1957 г.). Коллекция ИМБТ СО РАН сформирована П.Б. Коноваловым на основе археологических работ на этом памятнике в 1979 г.

В ряде случаев материалы с одного памятника разделены между ИМБТ СО РАН и музеем БНЦ СО РАН. Так, часть материала с могильника Баргай (охватывающий периоды бронзового, железного веков и средневековья) была передана на хранение в Музей БНЦ СО РАН, оставшаяся хранится в ИМБТ СО РАН. Расположен могильник северо-западнее с. Нижний Жирим Тарбагатайского района Бурятии. Открыт в 1979 г. археологическим отрядом БИОН под руководством П.Б. Коновалова, в последующем были произведены раскопки. Находки представлены украшениями, изделиями из кости, керамикой, а также были обнаружены бронзовые колокольчики.

Охарактеризуем коллекции, полученные в ходе археологических работ, весь объем которых хранится в одном учреждении. В ходе изучения археологических памятников бронзового века (стоянка Большой Луг, могильники Тамир, Малый Амбон, Угрюмиха, Шаманская падь, Верхний Торей, Енхор, Цаган-Усун, Челуты, Улзут) сформированы отдельные коллекции; они локализованы в фонде Кяхтинского краеведческого музея.

[1] Примеры оленных камней и петроглифов можно увидеть в составе археологической коллекции Этнографического музея народов Забайкалья

В ИМБТ СО РАН хранится самое многочисленное собрание археологических коллекций бронзового века. В этот список входят материалы из раскопок могильников Сотниково, Ацагат, Бодон, Ацай 2, Баргай (Острая сопка), Гутай, Подчерная, Баянгол, Хайласын, Алтан, Каменка, Енхор. Пять памятников бронзового века (могильники Алтан, Хайласын, Каменка, Баргай (Острая сопка), Поселение IV Баргузин) и др. представлены в фонде Музея БНЦ СО РАН.

Ряд материалов выявлен нами за пределами региона исследования. Так, в Эрмитаже хранятся материалы, полученные Г.П. Сосновским, Н.Н. Мамоновой и Г.Ф. Дебецом в ходе археологических работ на могильниках Тологой II, Селендума (Еныскей), разновременное местонахождение Тунка. В Иркутском областном краеведческом музее есть материалы со стоянки Аяя, разновременной стоянки Душкачан. В Иркутском государственном университете – со стоянки Байкальское (Слюдянская губа).

Период раннего железного века связан с хунну, оказавшими существенное влияние на исторические процессы не только в Центральной Азии, но и за ее пределами. Изучение этой культуры в Бурятии имеет длительную историю и основывается во многом на интерпретации материалов археологических коллекций. Неоднократно это становилось предметом специальных исследований.

Вопрос генезиса хунну в доимперский период остается дискуссионным. Подробный анализ гипотез по происхождению и ряду других проблемных направлений изучения хунну (хронология, исследования поселенческих комплексов, социальной структуры и др.) дан в ряде работ. Военное устройство, политический строй, государственное управление и экономическая основа империи хунну изучались в разных аспектах.

Территория Бурятии является северной периферией распространения империи хунну. Результаты интерпретации данных, аккумулированных в коллекциях, позволили осветить историю Западного Забайкалья в составе империи хунну. В существующих административных границах Республики Бурятия обнаружено около 100 археологических памятников: 5 поселений, 2 городища, 33 могильника, более 50 местонахождений со следами жизнедеятельности хунну. Все памятники расположены в междуречье Селенги и ее притоков: Уды, Чикоя, Джиды, Хилка. Наибольшая концентрация археологических памятников отмечается на юге Бурятии, а именно в Джидинском и Кяхтинском районах. Эту зону, привязанную к Селенге, можно определить как центр «…хуннской периферии Западного Забайкалья, где были расположены кочевые стойбища хуннских правителей края».

По мнению исследователей, хуннское население территории Бурятии состояло из кочевой и оседлой части, на что указывают могильники в том числе княжеские, а также стационарные поселения и укрепленные городища (Ил. 9).

Ил. 9. П.Б. Коновалов, Е.М. Залкинд, Е.А. Хамзина и академик А.П. Окладников осматривают предметы культуры хунну.

Укрепления на городищах представлены валами и рвами. Так, на Иволгинском городище прослеживаются 4 линии валов с тремя рвами между ними. Городище Баян-Ундэр также укреплен валами и рвами. На них обнаружены жилища полуземляночного типа, следы ремесленного производства

(керамического, металлургического, кузнечного). Кроме того, на Иволгинском городище встречаются остатки наземного сооружения, возможно, дом правителя этих хуннских земель.

Хозяйственная жизнь хунну была разнообразной. Жители занимались промыслами, земледелием и скотоводством. В состав стада входили лошади, овцы, крупный рогатый скот, верблюды и козы. Большая же часть стада состояла из овец, затем лошади и крупный рогатый скот. О наличии у хунну земледелия свидетельствуют не только письменные источники, но и археологические данные. На Иволгинском городище были найдены орудия земледельческого труда: сошники, мотыги, серпы, наконечники лопат. Хуннское население выращивало просо, ячмень и пшеницу. Важной отраслью хозяйства была охота. Хунну добывали лисиц, зайцев, оленей, лосей, горных баранов, антилоп-джейранов, косуль, кабанов, медведей и др. Рыбная ловля также занимала не последнее место в их хозяйственном укладе. Хунну добывали следующие породы рыб: таймень, хариус, леща, щуку, омуль, осетр.

Таким образом, население хунну на исследуемой территории вело комплексное хозяйство. Каждый из видов хозяйственной деятельности занимал определенное место в жизни общества.

Что касается социальной стороны жизни, то в хуннском обществе выделяются две большие социальные группы: кочевая и оседлая. При этом считается, что оседлая часть в целом имела более низкий социальный статус. Оседлое население являлось производителем материальных ценностей, которые не могли быть созданы в однозначно кочевом обществе. На основе полученного археологического материала можно полагать, что на поселениях «…проживало разношерстное в социальном отношении население (ремесленники, земледельцы, охотники, воины, начальники, предводители и т.д.)».

Духовная жизнь хунну исследователями рассматривается в рамках центральноазиатского шаманизма. Он включал в себя культ предков, верование в мир духов и небесные силы, магические обряды и тотемизм. Важное место занимали культ неба и земли. Связь этих двух культов выражалась в форме «…животворящей супружеской пары. Духовная составляющая жизни хуннского общества отразилась в погребальном обряде. «Наметились некоторые естественные различия в ритуале захоронения: мужчина вооружен луком, у женщины он отсутствует, но украшения у нее богаче; в мужском погребении отсутствует глиняная посуда, но имеются принадлежности сбруи – удила и псалии от узды, в женском наоборот».

Таким образом, хунну сыграли решающую роль в истории и развитии кочевников Центральной Азии. Именно они преодолели барьер в организации кочевого общества и смогли создать первое государство номадов в истории Центральной Азии. В последующем заложенная ими политическая, административная и экономическая системы были заимствованы с некоторыми изменениями другими кочевыми империями Центральной Азии.

Все стороны жизни хуннского общества в полной мере отразились в археологических коллекциях музеев Бурятии и Института. Они содержат фрагменты керамических сосудов, предметы вооружения, конского снаряжения, элементы одежды, украшения.

Наиболее крупные собрания оказались разделенными между учреждениями. Так, материалы из могильника Ильмовая падь, хранятся в НМ РБ, ККМ, ИМБТ СО РАН, музее БНЦ СО РАН; артефакты с раскопок Иволгинского археологического комплекса (малое, большое городище, могильник) – НМ РБ, ИМБТ СО РАН, ЭМНЗ, музее БНЦ СО РАН. Ю.Д. Талько-Грынцевич, который впервые исследовал могильник Ильмовая падь (Суджа), передал материалы в Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева.

Могильник расположен восточнее с. Усть-Кяхта. На территории археологического памятника (2 кв. км) насчитывается 320 могил – рядовых и царских. В годы первой Бурят-Монгольской экспедиции (1928-1929 гг.) здесь проводил работы Г.П. Сосновский, в 1950 г. – А.П. Окладников. Большой вклад в изучение могильника Ильмовая падь и культуры хунну в целом внес П.Б. Коновалов, раскопавший в период с 1967 по 1976 гг. 14 погребений. В середине 1990-х гг. работы по музеефикации памятника проводил С.В. Данилов. В 2004-2007 гг. памятник исследовался Б.Б. Дашибаловым, в 2015 г. – Б.А. Базаровым и Д.А. Миягашевым. Материалы с могильника Ильмовая падь были переданы П.Б. Коноваловым в Национальный музей Республики Бурятии, Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева и Музей БНЦ СО РАН.

Иволгинский археологический комплекс расположен в 14 км от г. Улан-Удэ. В своем составе объект имеет большое и малое городище, а также могильник, который расположен в 800 м от большого городища. Наиболее исследованы большое городище и могильник. Изучение памятника имеет богатую

историю. В.В. Попов впервые посетил городище в 1926 г., а уже в 1928 г. Г.П. Сосновский провел первые раскопки на большом городище. В годы второй Бурят-Монгольской экспедиции в разное время памятник исследовали: А.П. Окладников (1948 г.), В.И. Шилов и А.В. Давыдова (1949-1952 гг.); с 1954 по 1962 г. с перерывами раскопки на Большом городище и могильнике проводила А.В. Давыдова, а также С.С. Миняев (1986-1988 гг.). В начале 2000-х гг. на памятнике работал С.В. Данилов. Исследования продолжаются и сегодня, под руководством чл.-кор. РАН Н.Н. Крадина при участии С.Д. Прокопца, А.И Симухина, Н.В. Именохоева, А.И. Бураева с 2017 г. возобновлены археологические раскопки на Иволгинском городище.

Интенсивные раскопки нашли свое отражение в сформированных коллекциях. В ИМБТ СО РАН большая коллекция начала складываться с материалов, переданных С.В. Даниловым. Она пополняется материалами с раскопок 2017-2019 гг. под руководством Н.Н. Крадина. Часть из них исследователи передавали в музеи Республики, причем в ряде случаев один исследователь передает материалы в разные учреждения. Материалы А.В. Давыдовой по истории хунну хранятся в настоящее время в Национальном музее РБ, Этнографическом музее народов Забайкалья; коллекции Н.Н. Крадина – в ИМБТ и музее БНЦ СО РАН.

Материалы с ряда памятников представлены сразу в трех учреждениях – это могильники Дырестуйский Култук и Черемуховая падь (НМ РБ, ККМ им. ак. В.А. Обручева, ИМБТ СО РАН); поселение у с. Дурены (НМ РБ, ККМ им. ак. В.А. Обручева и Этнографический музей народов Забайкалья (ЭМНЗ).

Дырестуйский Култук – могильник раннего железного века, расположен на левом берегу р. Джиды, в 10 км от с. Дырестуя. Открыт могильник так же, как и могильник Ильмовая падь, Ю.Д. Талько-Грынцевичем в 1900 г. Им же были произведены первые раскопки на могильнике. Памятник обследовался Г.П. Сосновским (1929 г.) и А.П. Окладниковым (1949 г.). В 1965 г. на памятнике производились археологические раскопки под руководством П.Б. Коновалова, а с 1990 г. на протяжении нескольких лет работал С.С. Миняев. Археологические коллекции переданы Ю.Д. Талько-Грынцевичем и С.С. Миняевым в Кяхтинский краеведческий музей. С.С. Миняев также предоставил часть полученных материалов в НМ РБ. В ИМБТ СО РАН коллекции сформированы П.Б. Коноваловым.

Могильник Черемуховая падь расположен восточнее с. Усть-Кяхты. В состав могильника входит 84 могилы. Открыт в 1950 г. директором Кяхтинского краеведческого музея Р.Ф. Тугутовым и А.П. Окладниковым. Раскопки производились в 1957, 1961 гг. Р.Ф. Тугутовым, Н.Н. Мамоновой и Е.А. Хамзиной. Ими же были переданы материалы в Кяхтинский и Национальный музей РБ. В 1965-1966 гг. на могильнике работал П.Б. Коновалов, полученные им материалы вошли в состав коллекции ИМБТ СО РАН.

Основные находки с этих памятников можно разделить на следующие группы: антропологический, палеонтологический материалы, керамические сосуды и их фрагменты, украшения, элементы конской упряжи, предметы вооружения, фрагменты одежды и их элементы.

В меньшей степени «раздроблены» археологические коллекции, разделенные между двумя учреждениями: коллекция с поселения и могильника у с. Енхор; могильник Хара-Бусун. В обоих случаях материалы хранятся в ККМ им. ак. В.А. Обручева и ИМБТ СО РАН. Причинами разделения в данном случае является разновременная работа сотрудников этих учреждений на указанных памятниках.

Могильник и поселение Енхор расположены на правом берегу р. Джиды, юго-восточнее одноименного села. А.Д. Цыбиктаров, будучи научным сотрудником Кяхтинского краеведческого музея, в ходе своих полевых исследований в 1981 г. собрал и передал материал в ККМ им. ак. В.А. Обручева. В 1987 г. им же проведены спасательные работы; материалы которых также переданы в Кяхтинский музей. Позднее работы на могильнике проводили П.Б. Коновалов (1983 г.) и Н.В. Именохоев (1984-1986 гг.). Материалы находятся в археологических коллекциях ИМБТ СО РАН.

Объект археологического наследия Хара-Бусун, расположенный на правом берегу р. Чикоя на песчаных выдувах, был открыт в 1929 г. А.М. Виноградовой; в 1930-1935 гг. сборы там производились П.С. Михно. Материалы вошли в состав археологической коллекции Краеведческого музея в Кяхте, всего в коллекцию вошло 256 предметов (Книга поступлений ККМ, т. 2). Позднее, в 1964 г., исследования на этом археологическом памятнике проводил П.Б. Коновалов. Полученные артефакты и другие материалы переданы в ИМБТ СО РАН.

Значительный объем находок хранится в цельных коллекциях. Так, Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева является местом хранения коллекций могильников Гуджир Мыгэ (III в. до н.э. – I в. н.э.), Хужир-Дэби, могильник в пади Царам, Оргойтон I, могильник Эдуй (III в. до н.э. – I в. н.э.).

Археологический фонд ИМБТ СО РАН стал единственным местом хранения для коллекций с городища Баян-Ундэр, поселения Нижний Мангиртуй, смешанного археологического памятника падь Липовка, могильников Нур-Тухум, Подчерная. Материалы из хуннского могильника в пади Царам и Оргойтон I находятся в ККМ им. ак. В.А. Обручева, они были переданы С.С. Миняевым.

Таким образом, в ККМ им. ак. В.А. Обручева хранятся материалы с 12 разных археологических памятников раннего железного века (поселений и могильников). ИМБТ СО РАН имеющиеся археологические коллекции представлены 12 археологическими памятниками. Пятью археологическими памятниками представлены хуннские археологические коллекции НМ РБ, в Этнографическом музее – двумя памятниками, такая же ситуация и в Музее БНЦ СО РАН.

Так же, как и коллекции каменного и бронзового веков, материалы хуннского времени с памятников Бурятии представлены в археологических коллекциях других учреждений страны. В Государственном Эрмитаже есть материалы Г.П. Сосновского и его первой Бурят-Монгольской археологической экспедиции. Материалы А.В. Давыдовой и С.С. Миняева также находятся в Санкт-Петербурге. Это археологические коллекции с нескольких памятников: Иволгинский археологический комплекс, поселение у с. Дурены, могильник Дырестуйский Култук. В последние несколько лет коллекции Государственного Эрмитажа пополнились материалами с раскопок Н.А. Сутягиной и Н.Н. Николаева (могильники Черемуховая падь, Оргойтон; могильник в пади Царам).

Итак, коллекции, отражающие бронзовый век и хуннское время, являются наиболее представительными. Они находятся во всех крупных музеях Бурятии и ИМБТ СО РАН. Кроме того, материалы из коллекций этого периода находятся в постоянных экспозициях региональных музеев. Коллекции этих эпох выступают главным историческим источником по реконструкции социальной, экономической и духовной жизни населения в указанные исторические периоды.

Источниковедческий анализ находок, которые входят в коллекции, позволяет определить технологические особенности металлургии, керамического производства, хозяйственно-бытовой уклад. Коллекции бронзового века демонстрируют развитие технологии от простейших кованных изделий до высокохудожественных отлитых изделий карасукского и тагарского времени. В период хуннского доминирования в Центральной Азии было развито бронзолитейное производство и обработка черного металла (местными мастерами и используя местное сырье). Рыболовные крючки, наконечники стрел, бытовые ножи, иглы, шилья, элементы конской упряжи, а также палеонтологические остатки позволяют говорить о том, что население эпохи бронзы и раннего железного века занималось охотой, рыбной ловлей, скотоводством. Археологические коллекции позволяют также реконструировать и мировоззренческие представления.

Средневековье и Новое время.

Как и любой исторический период, эпоха средневековья Бурятии имеет свою внутреннюю периодизацию. Учитывая, что Забайкалье в целом и Бурятия, в частности, входят в состав большого Центральноазиатского региона, и политические процессы, происходившие в нем, затрагивали, пускай и не столь ярко, территорию Бурятии, то в научной литературе придерживаются общепринятой периодизации средневековья для Центральной Азии.

Первый период – раннее средневековье – связывают с существованием Сянбийской державы и Жужанского каганата. Датируется этот период концом II в. – серединой VI в. н.э. Второй – развитое средневековье VII-XIV вв. Это время пришлось на существование Тюркских и Уйгурского каганатов. Третий период – позднее средневековье. Длилось оно с XV по XVIII вв. На период позднего средневековья пришлись раздробленность Монгольского государства, маньчжурская экспансия и русская колонизация.

В целом эпоху средневековья можно охарактеризовать как «…соперничество монголоязычных и тюркоязычных народов за гегемонию в центральноазиатском регионе». Эта борьба за главенствующее положение определяла территориальные и этнические границы между этими группами кочевого населения Центральной Азии. Борьба за влияние в регионе выразилась в чередовании политических объединений кочевников. Причины кризиса, а затем и падения, и появления следующей кочевой империи, исследователи в целом связывают с природно-климатическими катаклизмами: низкие температуры, увеличение снежного покрова, что приводило к массовому падежу скота. Это в свою очередь отражалось на кочевом обществе голодом, эпидемиями и повышением смертности. Схожего мнения придерживается и А.Д. Цыбиктаров: «…восстания различных племен, междоусобицы, неурожаи и голод» приводили к гибели кочевые государства.

В ряде работ исследователей подробно освещены социально-экономические и политические стороны жизни этих кочевых обществ. Борьба разных этнических групп Центральной Азии завершается установлением Киданьской империи. Именно после прихода киданей ведущее место в регионе заняли монгольские племена, которые в последующем создали в ходе междоусобных войн Монгольскую империю во главе с Чингисханом.

На территории Бурятии выделяют несколько археологических культур, относящихся к средневековью.

Курумчинская культура. Несмотря на то, что центром этой культуры считается территория Прибайкалья, на территории Бурятии обнаружены памятники на восточном побережье Байкала (низовья рек Баргузина и Селенги и ряда мелких рек). Культура представлена разнообразными археологическими памятниками: поселениями, городищами, временными стойбищами, могильниками, поминальными сооружениями и др. Истоки происхождения курумчинцев уходят в позднебронзовое время. Датируется курумчинская культура VI-XIV вв. н.э.

Население вело оседлый образ жизни с сезонной сменой места обитания. Этот факт подтверждает наличие двух основных типов поселенческих памятников: долговременные зимники и летние стойбища. Основой хозяйства являлось скотоводство. На территории зимников обнаруживаются следы долговременных поселений земляночного и полуземляночного типов. Тем не менее, скотоводство составляло основу хозяйственной жизни курумчинцев. Они разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, верблюдов. Часть населения занималась земледелием, на что указывают следы «древних пашен», находки каменных жерновов, чугунных сошников, железные серпы. Выращивали курумчинцы просо, пшеницу, ячмень и коноплю.

Проживание в таежной зоне и на берегах рек и Байкала способствовало развитию рыболовства и охоты. Об этом свидетельствуют найденные рыболовные крючки, наконечники стрел, костные остатки диких животных, а также изображения петроглифов. Известна была и металлургия (обрабатывались железо и бронза). В состав археологических коллекций курумчинцев, наряду с перечисленными находками, входят деревянные предметы и изделия из бересты, кости и камня.

Раннемонгольская культура. Наиболее изученные памятники средневековья Бурятии относятся ко второй половине I – первой половине II тыс. н.э. В целом хозяйство носило комплексный характер, но основой служило кочевое скотоводство. Разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, верблюдов.

Памятники этой культуры выявлены в долинах рек Селенги, Джиды, Чикоя, Хилка, Уды, Тункинской долины. Представлена раннемонгольская культура памятниками поселенческого типа, могильниками VII-XVI вв. н.э.; они идентичны одновременным памятникам Монголии. Это позволяет исследователям выдвигать предположение о том, что территория Бурятии входила в сферу центральноазиатских событий, что закономерно сделало территорию в период средневековья составной частью Монгольской империи. Однако уже с XIV и вплоть до XVII вв. (до вхождения в состав Российского государства) в Монгольском государстве набирает силу центробежное движение. Это прямым образом отразилось на племенах, проживавших в то время на территории Бурятии. Из-за малого количества археологических памятников XIV-XVII вв. этот период в истории Бурятии считается «темным временем».

Охарактеризуем материал и локализацию археологических коллекций этого периода. Вновь особая ситуация с фондами Этнографического музея народов Забайкалья – в настоящее время фактически средневековье не представлено археологическими коллекциями, несмотря на то что в архиве музея имеется акт передачи А.В. Тиваненко в 1980-1990-х гг. почти 4 тыс. предметов с разных памятников, в том числе и средневековых. Все материалы находятся на временном хранении в Национальном музее РБ в связи с отсутствием необходимого фондохранилища, способного вместить такое количество материала.

Национальный музей РБ в своем распоряжении имеет две археологические коллекции – со средневекового могильника Тапхар и погребальных памятников средневековья Баргузина. Все они были переданы в музей Е.А. Хамзиной. Эпоха средневековья в ККМ им. ак. В.А. Обручева представлена несколькими коллекциями с памятников Енхорский могильник, могильники Харлун, Усть-Киран, разновременной могильник и средневековое поселение Селендума.

Наиболее многочисленные археологические коллекции эпохи средневековья и нового времени, хранятся в ИМБТ СО РАН и музее БНЦ СО РАН. В ИМБТ СО РАН хранится 13 коллекций, относящихся к эпохе средневековья; 8 археологических памятников представлены в Музее БНЦ СО

РАН. В этих же двух учреждениях находятся «разделенные» коллекции с раскопок средневекового могильника Баянгол, могильника Онкули II (Душелан), разновременного могильника Нижний Жирим, средневекового могильника Тапхар и с погребальных памятников средневековья Баргузина. (Ил. 10).

Ил. 10. Л.В. Лбова, С.В. Данилов, Б.Б. Дашибалов работают с коллекцией средневековых наконечников стрел

Важное место среди археологических коллекций музея БНЦ СО РАН занимает коллекция Е.А. Хамзиной, которая посвятила много лет изучению поздних кочевников. В ее состав входит 92 предмета от неолита до позднего средневековья. Треть этих предметов относится к периоду средневековья. Среди них берестяные колчаны (Онкули 1967 г. инв. № 45, 46), древки стрел (Баргузин-67, инв. № 47-58); бляшка с грифоном (Телятниково-63, № 102); ножницы (Телятниково-63, инв. № 158) и др.

В фондах музея БНЦ СО РАН представлены также коллекции с разновременного могильника Базино, памятника у с. Барун-Сулхара, могильника Янгажинский Тапхар. В ИМБТ СО РАН хранятся коллекции с разновременного могильника Бодон I; могильника бронзового века и средневековья Ацай II; разновременного могильника Баргай (Острая сопка); могильника средневекового времени Ина (Юбилейный); разновременного могильника Енхор; Сутайской феодальной усадьбы; Нарсатуйской средневековой усадьбы; средневекового могильника Догдо.

Археологические коллекции, отражающие средневековую историю Бурятии, находятся и в других городах России. Так, в Государственном Эрмитаже есть материалы с Тологоя II (железный меч, железные наконечники стрел и др.); с могильника Селендума (Еныскей). В Иркутском областном музее и Иркутском государственном университете представлены материалы с памятников Тункинского района Бурятии, переданные И.С Поляковым, П.А. Ровинским и Г.Ф. Дебецем.

Археология нового времени позволяет дополнить имеющиеся сведения письменных источников, что позволит более объемно взглянуть на этот период истории края. С приходом на обозначенную территорию русских и вхождения территории Бурятии в сферу политических интересов Российского государства начинается новый исторический период, который характеризуется разнохарактерными взаимоотношениями пришлого русского населения и местного (на тот момент) протобурятского.

В этом отношении в археологии Бурятии делаются первые шаги. В 2016 и 2018 гг. археологами исследована территория, некогда занимаемая Удинским острогом. Весь полученный, в ходе этих работ, материал сосредоточен в археологическом хранилище ИМБТ СО РАН. Это единственная коллекция, относящаяся к Новому времени.

Археологические коллекции по средневековью в количественном плане самые малочисленные в Бурятии. При анализе их состава и локализации выявлены совпадения археологических коллекций по названиям, например, предметы с памятника Ацай II входят в коллекции, датируемые и бронзовым веком, и средневековьем, или материалы с памятника Каменка входят в коллекцию каменного (неолит) и бронзового веков. Это связано с разновременным и многослойным характером многих археологических объектов, что выражается в археологическом материале разного времени, полученного с этих памятников.

Причины различной локализации коллекций заключаются в следующем: во-первых, место работы автора раскопок в большинстве случаев определило место хранения. Так, Ю.Д. Талько-

Грынцевич работая в Кяхтинском музее, передал полученные артефакты именно в его фонд; В.И. Ташак, работая в ИМБТ СО РАН, передал коллекции в Институт.

Во-вторых, передача авторами раскопок части материалов в другие учреждения, что связано с устоявшимися традициями. Так, П.Б. Коновалов передал часть материалов в Национальный музей РБ, Кяхтинский краеведческий музей, музей БНЦ СО РАН; материалы Е.А. Хамзиной хранятся в НМ РБ, музее БНЦ СО РАН; С.С. Миняев передал артефакты со своих раскопок в Кяхтинский и Национальный музеи.

В-третьих, на основании современного законодательства весь полученный археологический материал должен быть передан в течение 3 лет после раскопок в музейный фонд Российской Федерации. Так, передана часть материалов с раскопок Иволгинского городища 2017–2018 гг. под руководством чл.-кор. Н.Н. Крадина в музей БНЦ СО РАН.

В-четвертых, организационная близость некоторых учреждений привела к разделению археологических коллекций. Это касается ИМБТ СО РАН и музея БНЦ СО РАН. Археологический фонд музея напрямую отражает археологические исследования ученых-археологов ИМБТ СО РАН. Наиболее аттрактивная часть материалов, раскопанных археологами института, была передана в музей и занимает важное место в постоянной экспозиции.

В-пятых, наличие или отсутствие учреждений, готовых принять на хранение археологические материалы. Так, в конце XIX – начале XX в. Кяхтинский музей был единственным местом на территории Бурятии, куда могли археологи того времени передавать полученный археологический материал. С появлением новых учреждений таких, как Верхнеудинский музей (ныне – Национальный музей РБ), БКНИИ – БИОН – ИМБТ СО РАН, Этнографический музей народов Забайкалья и музей БНЦ СО РАН, возможности археологов по передаче артефактов возрастают, что стало причиной разделения археологических коллекций.

Археологические коллекции, относящиеся к этому периоду, позволяют исследовать широкий спектр задач. Среди них вопросы хронологии, этнической характеристики населения, хозяйственно-бытовой уклад, социальную структуру, политические процессы в регионе, ритуальные обряды и мировоззрение средневекового населения Бурятии.

Для изучения раннего периода нового времени археологические коллекции становятся дополнительным источником, уточняя информацию, содержащуюся в немногочисленных письменных источниках. Так, коллекция Удинского острога (раскопки 2016 и 2018 гг.) позволяет детализировать архитектурные особенности острога и других построек на его территории, а также погребального обряда русского населения XVIII в.

В целом, археологические коллекции репрезентативны и содержат большой объем информации об исторических эпохах от палеолита до нового времени. Зачастую, это – единственный источник. Несмотря на аккумулированный в коллекциях большой объем археологического материала, необходимы дальнейшие археологические изыскания, которые восполнят существующие ныне лакуны и позволят в дальнейшем более точно реконструировать историю Бурятии.

Вопросы для самоконтроля

1. Перечислите орудия, характеризующие земледельческий уклад культуры хунну.
2. В Государственном Эрмитаже хранятся археологические коллекции с территории Бурятии. Назовите авторов этих коллекций.
3. Что такое «разделенная коллекция»?
4. В каком из музеев Бурятии, по вашему мнению, хранится самая многочисленная археологическая коллекция?
5. К какому времени относятся археологические коллекции курумчинской культуры?

Литература

1. Базаров Б. А. Спасательные раскопки 2016 года на Удинском остроге / Б. А. Базаров, Н. В. Именохоев, Д. А. Миягашев // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2016. – № 1(13). – С. 75-84.

2. Бураева С. В. Музей Бурятского научного центра СО РАН / С. В. Бураева, А. Е. Мурзинцева // Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития. Новосибирск, 2009. – С. 66.

3. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс / А. В. Давыдова. – Санкт-Петербург : Фонд «АзиатИка», 1995. – 97 с.

4. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье / А. В. Давыдова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. – 111 с.

5. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. научного центра Сибирского отд-ния Рос. академии наук, 1995. – 191 с.

6. Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал. – 1930. – Т. 19, Вып. 1-2. – С. 7-50.

7. Ивашина Л. Г. О раннем неолите Западного Забайкалья // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск, 1993. – С. 81-88.

8. Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1992. – С. 23-48.

9. История Бурятии. В 3 томах. Т. 1 : Древность и средневековье / гл. ред. и рук. проекта Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. научного центра Сибирского отд-ния Рос. академии наук, 2011. – 328 с.

10. Коновалов П. Б. Археологические исследования в Бурятском научном центре (начало XX – начало XXI в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 3 (7). – С. 26-48.

11. Коновалов П. Б. Еще раз о хуннской ветви этногенеза в Центральной Азии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 2 (14). – С. 25-34.

12. Коновалов П. Б. Итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985. – С. 41-51.

13. Коновалов П. Б. Хуннологические исследования в Забайкалье: некоторые итоги и перспективы / П. Б. Коновалов, Б. А. Базаров, Д. А. Миягашев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 8 (1). – С. 176-181.

14. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. – 248 с.

15. Константинов М. В. Мезолитические памятники Забайкалья // Памятники и культуры каменного века Забайкалья. – Новосибирск : Наука, 1993. – С. 64-81.

16. Крадин Н. Н. Актуальные проблемы археологии хунну // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2012 . – № 1(5). – С. 108-122.

17. Лбова Л. В. Древности Бурятии : Карта археолог. памятников / Л. В. Лбова, Е. А. Хамзина ; отв. ред. А. П. Деревянко ; Сиб. отд-ние Рос. акад. наук. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии, Науч.-произв. центр охраны памятников М-ва культуры Респ. Бурятии. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 220 с.

18. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Т. 2. Памятники археологии / М-во культуры Респ. Бурятии ; сост.: Б. А. Базаров, Д. В. Намсараев ; рук. работы П. Б. Коновалов ; редкол.: Т. Г. Цыбиков [и др.]. – Улан-Удэ : НоваПринт, 2011. – 392 с. : ил.

19. Сутягина Н. А. Исследование могильника Черемуховая падь в Кяхтинском районе Республики Бурятия в 2015–2017 годах // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В.А. Обручева. – Улан-Удэ, 2017. – С. 106-111.

20. Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века) / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. – Вып. 3. – 266 с.

21. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований / П. Б. Коновалов, Б. А. Базаров, Д. А. Миягашев [и др.] // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2016. – № 1(21). – С. 9-26.

22. Цыбиктаров А. Д. История исследования культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ : Обществ.-науч. центр «Сибирь», 1997. – 37 с.

23. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 287 с.

24. Ярославцева Л. Г. Первые археологи Бурят-Монгольского (Верхнеуднского) краевого музея – А. П. Бажин, В. В. Попов, Г. П. Сергеев. Их вклад в формирование фондовых коллекций // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы конф., Улан-Удэ, 07-08 апр. 2015 года. – Иркутск : Оттиск, 2015. – С. 482-489.

РАЗДЕЛ 3.
ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК БАЗОВАЯ ЧАСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Ключевые слова: *классификация, артефакт, керамика, металл, камень, дерево, кость.*

Существует специфика музейной работы, которая выражается в важности экспозиционного потенциала отдельно взятого археологического предмета, что для науки вторично. Это непонимание особенностей археологического материала может приводить к разрушению целостности археологических коллекций, вплоть до потери отдельных предметов.

Вещественная составляющая археологической коллекции – это важная часть любой коллекции и является первичной, именно она становится базой для исторической реконструкции, самой объемной частью коллекции. В ее состав входят разнообразные предметы, которые несут многоплановую информацию о прошлом.

В виду многообразия археологического материала появляется необходимость его классификации. В археологии она зависит от целей исследования и регулирует данные на основании общих характеристик.

Под классификацией понимается деление всего объема археологических находок по внешним (морфологическим) признакам: размеру, форме, весу, материалу.

Современные классификационные системы археологических находок таковы:

– деление на основе функционального назначения артефактов. Например, такая классификация может выглядеть так: «одежда», «оружие», «орудия труда», «украшения», «посуда» и т.д.;

– уровень сохранности, т.е. артефакты можно разделить на три группы: 1) целые предметы (в которых не разрушена внешняя форма и внутренняя структура), 2) фрагменты (сохраняют часть формы предмета), 3) следы (деформированные остатки, отпечатки, отметины);

– классификация по времени и культурной принадлежности;

– классификация по экспозиционной деятельности.

Традиционно в научных работах археологические находки группировались по виду материала, из которого они были изготовлены. Подобная схема представлена Л.С. Клейном: 1) кремень (и др. кварцевые породы); 2) камень (мягкие породы); 3) кость и рог; 4) керамика; 5) металл; 6) дерево (древесина); 7) прочие органические вещества (кожа, ткань и т.п.). В методических рекомендациях по работе с археологическим материалом применяется такое же классификационное деление предметов. Более того, именно материал, из которого изготовлен артефакт, определяет методы работы с ним.

Разнообразие классификационных систем отмечается и в зарубежной литературе, во многих случаях перекликающиеся с упомянутыми вариантами отечественных классификаций. Подробный разбор зарубежного опыта представлен в совместной работе Б. Фогана и К. Де Кора «Археология. В начале».

В нашей работе классификация археологических находок дается по Л.С. Клейну. Используя рекомендованные методы при работе с артефактом, исследователь осуществляет источниковедческий анализ археологического материала. При этом, как считают некоторые исследователи, критика вещественного источника, к которому относится археологический материал, по трудности не уступает источниковедческому анализу письменных источников.

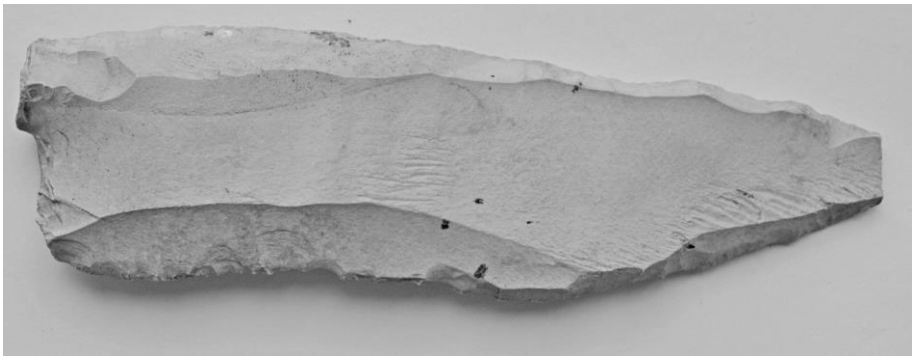
Подробнее остановимся на каждой категории археологических находок.

Камень. Источниковедческий анализ каменного инвентаря в составе археологической коллекции направлен на получение исторической информации по самому продолжительному периоду в истории человечества. Каменный инвентарь – основной источник, позволяющий реконструировать разные аспекты жизни человека каменного века. В науке выработана общепринятая структура работы с такими артефактами: на первом этапе определяется сырье; на втором – исследуется техника расщепления; на третьем – изучается техника вторичной обработки; на четвертом – проводится анализ орудийного набора.

Сырьем для каменной индустрии служат горные породы, которым предъявляется ряд требований: твердость, вязкость, способность давать острый край, изотропность или анизотропия (одноструктурность или отсутствие таковой), раковистый излом (образование раскола в виде створки раковины). При соблюдении совокупности указанных требований определяется пригодность сырья для создания из него орудий труда. Для изделий из камня сырьем становились такие горные породы, как кремень, яшма, кварцит, нефрит, горный хрусталь, халцедон, роговик, змеевик, андезит и обсидиан.

После определения сырья исследуется техника расщепления. На данном этапе предметы каменной индустрии делятся на нуклеусы (остатки блоков сырья), дебитаж (немодифицированные сколы), орудийные формы и отходы производства. После деления на указанные группы производится анализ каждого предмета по группам. Так, например, анализ заготовок включает в себя замеры длины, ширины и толщины, затем определяется характер подготовки площадки, формы, характер сколов.

Следующий этап – анализ приемов вторичной обработки орудий – это дополнительные операции, которые производил человек для создания из заготовки завершенного и готового к использованию орудия труда. Этот анализ позволяет определить хронологическую и культурную принадлежность памятника, так как именно приемами вторичной обработки заготовкам придается форма характерная для этого памятника (Ил. 11).



Ил. 11. Скребок-нож. Камень. Каменка. Лбова Л.В.
Из фонда музея БНЦ СО РАН

Выделяется несколько разновидностей вторичной обработки: ретушь – основной вид, который осуществляется путем нанесения легких ударов или отжимом; анкош – составляет основной рабочий элемент орудия; резцовый скол – снятие узкого скола, создавая тем самым резцы с острым лезвием; обивка – разновидность очень грубой крупной ретуши.

Следующий этап работы – анализ орудийного состава, это заготовки всех типов артефактов, на которых имеются значительные следы вторичной обработки. На каждом из этих этапов применяются разные методы исследования. Остановимся на наиболее распространенных.

Типологический метод предполагает создание классификации каменных орудий по определенным признакам. Данный метод позволяет разбить весь набор каменных изделий в коллекции на типы. При этом нужно помнить, что для решения разных задач могут использоваться различные классификации. Сложность классификации изделий заключается в том, что каменные орудия менее стандартизированы, кроме того, существует много переходных вариантов между предметами.

Технологический метод направлен на исследование приемов, применяемых человеком для обработки камня с целью создания орудия труда. Он позволяет проанализировать разные этапы работы с камнем: отбор сырья, расщепление, создание и переоформление орудий. С помощью технологического метода возможно воссоздать проверяемую технологию получения каменных орудий труда.

Трасологический метод позволяет выявить ряд разновидностей следов, их особенности, устанавливается функция орудия труда. Данный метод дает возможность определить хозяйственные процессы, в которых использовались орудия труда (строгание, рубка, разделка туш, резание мяса, прокалывание и т.д.).

Экспериментальный метод на практике воссоздает реально существующие условия при создании орудий труда. Становится возможным определить приемы и средства, которые использовал человек в прошлом, а также проверить правильность научных предположений.

Так как коллекции из камня исчисляются тысячами, то закономерным является применение количественных и статистических методов. Несмотря на то, что существует ряд методов, которые используются археологами, исследователи отмечают, что «…статистика дает не более “объективную” информацию, чем традиционный типологический метод».

Таким образом, с помощью источниковедческого анализа каменных артефактов можно получить значительный пласт информации о хозяйственном и общественном укладе, технике и технологиях той эпохи. На примере археологических коллекций Бурятии, аккумулированных в Национальном музее РБ, Кяхтинском краеведческом музее, Музее БНЦ СО РАН и ИМБТ СО РАН, реконструированы различные

аспекты жизни людей, населявших в каменном веке территорию нашего исследования. Анализ каменных предметов в составе археологических коллекций позволил ученым сделать выводы о хозяйственном типе, социальной структуре, культурных и духовных представлениях.

Так, например, В.И. Ташак провел работу по уточнению хронологии многослойного археологического местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье. Эти данные «…внесли существенные изменения в представления о возрасте некоторых литостратиграфических подразделений данного местонахождения». Наиболее обоснованным стало датирование нижней части слоя 7, некалиброванные даты которого укладываются в период от 24 тыс. до 27 тыс. л.н.

Изучение нового археологического местонахождения в Западном Забайкалье – Три Скалы позволили исследователям на основе морфологического и типологического сравнения с индустриями других памятников палеолита Забайкалья (Толбага, Подзвонкая, Каменка) говорить об их близости.

Кость и рог. Несмотря на то, что изделия из разнообразных органических материалов (кость, рог, бивень, клык, китовый ус, панцирь, раковины) являются показателем развития технологии и материальным отражением достижений археологических культур, были признаны археологическим источником сравнительно недавно. По этой причине в отечественной и зарубежной археологии не сложилось определенной системы и методов работы с косторезными изделиями. Тем не менее, выделяется два подхода в изучении костяных изделий: конструктивно-морфологический и формально-типологический (Ил. 12).

Ил. 12. Украшение шейное. Клык кабана. Верхний Мангиртуй. Лбова Л.В.
Из фонда музея БНЦ СО РАН

Формально-типологический подход нацелен на классификацию косторезных изделий и их характеристику. При этом не учитываются особенности материала, из которого они сделаны. По функциональному назначению выделяют: производственные предметы (орудия труда), непроизводственные (оружие, украшения), предметы жизненного обеспечения (бытовая утварь).

Конструктивно-морфологический подход открывает больше возможностей для получения научной информации, так как сводится к зависимости формы изделия не только от функционального назначения, но и «…естественных особенностей строения исходной заготовки» (Ил. 13).

Ил. 13. Насад роговой. Рог. Фофаново. Конев В.П. Из фонда музея БНЦ СО РАН

Изделия из кости содержат информацию о технологических приемах, их особенностях в разных районах, культурных контактах, а также эстетических и мировоззренческих воззрениях в прошлом. Косторезные предметы являются важным источником, однако источниковедческие подходы к их изучению разработаны довольно слабо. Косторезное «ремесло» изучено в Бурятии незначительно. Один

из немногих примеров – работа В.И. Ташака, где анализируется символическое значение предметов, изготовленных из скорлупы яиц страусов и костей животных (ребра и трубчатые кости).

Тем не менее, в ходе археологических раскопок на территории Бурятии изделия из кости встречаются регулярно. Так, в ходе раскопок на Иволгинском городище в 2017 г. было установлено интенсивное использование костей в качестве сырья. Были изучены специфические приемы выполнения отверстий в лопаточных и метаподиальных костях. Одним из ярких предметов косторезного мастерства хунну является навершие с изображением головы кошачьего хищника.

Керамика. Термин «керамика» (греч. *ceramos* – глина) – в широком смысле это все изделия, изготовленные из глины и обожженные до камнеподобного состояния. Однако археологи часто используют этот понятие для обозначения только керамических сосудов. Керамика – одна из многочисленных категорий археологического материала, многоплановый и информативный источником, содержащий сведения не только о гончарстве как «…социально-экономическом институте, но и о семейно-брачных отношениях, этнокультурных контактов, идеологических представлениях, уровне развития техники».

Исследователю для получения всего объема научной информации, необходимо знание разных особенностей керамики как источника: 1) технологической (свойства глин, формовка, обжиг, особенности инструмента); 2) искусствоведческой (основы симметрии и композиции, стилистико-семантические закономерности, моторика); 3) культурологической (способы передачи информации, семантика, керамические стили, этнические специфики и т.п.); 4) социально-экономической (функции, нормы использования, семейно-родовые отношения в гончарстве и др.); 5) археологической (утилизация керамики, механизмы ее залегания, факторы разрушения). Каждая из них требует определенные методы при источниковедческом анализе керамики как составной части археологической коллекции.

Существует несколько этапов работы с керамикой:

1. Полевой – выявление связи керамики с первоначальным контекстом памятника.

2. Технологический – определяется состав и рецептура формовочной массы, особенности технологического процесса, приемы обработки поверхности и т.п.

3. Морфологический – анализируются форма, размер, пропорции.

4. Орнаментальный – анализ содержания декоративных элементов.

На первом этапе керамические находки заносятся на план с указанием слоя, горизонта, места расположения. Наиболее полные формы зарисовываются на отдельном плане. Кроме того, производится количественный подсчет массового керамического материала для составления таблиц и графиков. Также возможны проведение в полевых условиях первичной камеральной обработки: очистки и шифровки, а также произвести отбор керамического материала, выбрав фрагменты одного сосуда и отсеяв из коллекции одиночные фрагменты (Ил. 14).

Ил. 14. Венчик сосуда. Керамика. Посольск. Хамзина Е.А.
Из фонда музея БНЦ СО РАН

На технологическом этапе изучения керамики требуется применение инструментальных методов анализа для изучения особенностей керамического теста. На этом этапе часто используются методы

естественных наук: физики, химии, геологии, петрографии, что позволяет определить технологические и технические традиции и приемы, сырьевые и рецептурные особенности формовочных масс. В число этих методов входят: микроскопия, химический, рентгенофазовый, петрографический, термические анализы. С их помощью можно определить текстуру материала, химический состав, количественное и качественное соотношение между компонентами формовочной массы, свойства керамики при изменении температуры.

Не менее важным на этом этапе являются и этнографические опытные наблюдения, с помощью которых решается широкий круг исследовательских задач по изучению гончарства: места добычи глин, правила их отбора, приемы подготовки, особенности примесей, способы обработки поверхности готовых изделий, сушки и обжига сосудов.

Для анализа следов обработки поверхности, создания специфических свойств сосуда и эстетического оформления изделия применяется трасологический метод. С его помощью исследователь определяет инструменты, использовавшиеся древними гончарами при работе с керамическими изделиями, а также помогает проанализировать следы используемых инструментов.

Морфологический этап работы с керамической посудой предполагает анализ форм, размеров и пропорций посуды. В дальнейшем на основе проведенного анализа разрабатывается типология, которая позволяет установить хронологические рамки, выявить «стиль, школы и традиции». Этот этап характеризуется отсутствием единого, четко выработанного подхода в определении указанных характеристик керамики. Выделяется два основных подхода в рамках этого этапа: ассоциативный и аналитический.

В рамках первого подхода прослеживают ассоциативную связь этнографической и археологической посуды. Ассоциативный подход рассматривает форму как целостный образ.

В рамках аналитического подхода форма сосуда изучается как «совокупность элементарных частей». При этом нет единой общепринятой структуры деления сосуда на такие части. Попытки создания единой методики анализа формы, размеров и пропорций сосудов продолжается.

На завершающем, орнаментальном этапе исследуются декоративные элементы керамических сосудов. Основными методами исследования декора керамических изделий являются трасологический, статистический и метод научного познания. Остановимся подробней на каждом из них.

Трасологический метод позволяет определить специфику воздействия разных инструментов на поверхность керамического изделия, а также выявить характерные следы, оставленные от этого воздействия на рабочих поверхностях.

Метод научного эксперимента – важное средство изучения декора на глиняных изделиях. С его помощью возможно выявить традиции древних гончаров в области техники и технологии декорирования. При этом экспериментальные исследования требуют соблюдения ряда условий, четкой организации и больших временных затрат.

Группа статистических методов выявляет наиболее распространённые элементы орнамента, наиболее устойчивых узоров и другие количественные характеристики. Кроме того, возможно установление структуры и внутренних взаимосвязей декоративных признаков и орнаментальных композиций.

Таким образом, комплексное использование перечисленных методов изучения керамических изделий позволяет включать керамику в источниковедческий анализ как неотъемлемую часть археологической коллекции. Исследование керамики дает возможность получить информацию о социально-экономическом развитии, межкультурных контактах, идеологических представлениях и уровне развития техники и технологий гончаров прошлого.

Керамика в составе археологических коллекций Бурятии является (за исключением коллекций эпохи палеолита) самым массовым источником. Так, например, за 2019 г. при раскопках на Иволгинском городище было обнаружено более 3500 фрагментов керамических сосудов. Лабораторные исследования позволили частично реконструировать сосуды, установить их форму и размеры, проследить особенности орнамента.

Металл. Знакомство с металлом (медью, бронзой, железом) стало результатом постоянного поиска человеком «лучшего сырья для своих изделий». Источниковедческий анализ древних изделий из металла предполагает применение естественнонаучных методов исследования, а именно – металлографический, рентгенофлуоресцентный и микроскопический. С их помощью можно получить большой объем исторической информации.

Кроме вышеперечисленных, для изучения изделий из металла применяются трасологический, типологический и описательный методы. У них те же задачи, что и при изучении керамики и каменных артефактов.

Комплексное применение указанных методов расширяют знания исследователей о развитии хозяйственной деятельности, металлургии, распространении культур и их взаимодействии друг с другом, а также о технике и технологии производства металлических изделий в прошлом.

Анализ металлических предметов из «бурятских» коллекций дан в публикациях А.И. Симухина, который специализируется на изучении медно-бронзовых предметов, и их производстве. В одной из своих работ он широко применял типологический метод, морфологическое описание медно-бронзовых изделий. В публикации дана подробная типология ножей из фондов Музея БНЦ СО РАН, отмечены их морфологические особенности, описана технология производства. Исследователь констатирует незначительное количество металлоносных памятников бронзового века на территории Западного Забайкалья (Ил. 15).

Ил. 15. Шило. Бронза. Шулун-Шэнэгэльжин. Хамзина Е.А.
Из фонда музея БНЦ СО РАН

В.Ю. Мясников и Л.Г. Ярославцева также провели типологический анализ, но уже средневековых клинков (меч, фрагменты палаша и сабля) из фондов Национального музея РБ. В своей публикации они делают вывод об «…общности тенденций развития военного дела и вооружения кочевых народов Прибайкалья, Монголии и Южной Сибири». Однако, по их мнению, вопрос о месте производства остается открытым: «…скорее всего, рассмотренные меч, палаш и сабля являются привозными» (Ил. 16).

Ил. 16. Наконечник стрелы ромбовидной формы. Железо. Дашибалов Б.Б. Из фонда музея БНЦ СО РАН

Н.Ф. Сергеева, исследовавшая древнейшую металлургию юга Восточной Сибири, на основе сравнения спектрального анализа бронзовых предметов и геолого-геохимических характеристик рудной базы пришла к выводу о местном происхождении бронзолитейного производства и его высоком уровне в бронзовом веке.

Кроме того, при изучении изделий из разных металлов применяются спектральный и рентгеноструктурный анализы и электронная микроспектроскопия. Применяя эти методы, исследователь получает информацию о составе и структуре изучаемого предмета.

Дерево. В составе археологической коллекции деревянные изделия являются ценным источником научной информации, однако работа с ними имеет свою специфику, связанную с органическим происхождением материала. Полевые и камеральные исследования деревянных конструкций и отдельных находок имеют важное значение. Именно качественная разносторонняя фиксация объекта из дерева позволяет получить большой объем информации. К процессу фиксации относятся следующие операции: фотофиксация, зарисовка, описание, атрибуция, выявление следов обработки, определение функциональной принадлежности, классификация. Для сохранения и передачи

в музей на дальнейшее хранение необходимо провести лабораторные работы по консервации и реставрации деревянных объектов. Источниковедческий анализ деревянных объектов и отдельных находок позволяет реконструировать технологический процесс – от заготовки сырья до получения готового изделия, а также мировоззренческие и эстетические представления в прошлом.

В составе археологических коллекций на территории Бурятии объекты и находки из дерева плохой сохранности, что существенно затрудняет их изучение.

Исследования деревянных объектов немногочисленны. Тем не менее, в числе работ, посвященных этой проблематике, отметим публикации П.Б. Коновалова, С.С. Миняева, Н.А. Сутягиной. Одна из недавних - коллективная работа по материалам археологических работ на памятнике «Удинский острог». Археологами была выявлена западная линия оборонительных сооружений острога: «фрагменты северо-западной угловой башни, остатки двойной стены с внутренними перегородками, а также располагавшийся под ней ряд «вертикально вкопанных столбов».

Таким образом, вещественные источники являются базовой составляющей археологической коллекции. Артефакты, обработанные руками древних людей, несут разнообразную информацию о том времени, когда они были созданы. Получить же ее можно при профессиональном использовании всех необходимых методов исследования. Нередко в состав одной археологической коллекции входят разные виды находок. Неоднородность артефактов ставит перед учеными неординарные задачи и требует применения различных подходов и методов к каждой отдельной группе источников.

Так, в состав коллекции «Иволгинское городище» входят бусины из камня, керамические «фишки», фрагменты керамической посуды, костяные и бронзовые наконечники стрел, украшения. Соответственно, для всестороннего изучения городской части хуннского общества, проживавшего на Иволгинском городище, необходим источниковедческий анализ каждого типа находок в прямой связи друг с другом. Только при соблюдении этих требований исследователь может рассчитывать на получение максимального объема разнообразной информации, которая впоследствии поможет в реконструкции всех сторон жизни древнего и средневекового человека от хозяйственно-бытовых и социальных аспектов до мировоззренческих представлений тех времен.

Итак, качественный анализ археологической коллекции необходимо производить комплексно, учитывая все типы и виды находок, особенности методов и методик исследования для каждого вида и разновидности источникового комплекса. Лишь в этом случае информация будет максимально полной, достоверной и объективной.

Вопросы для самоконтроля

1. Какая группа артефактов получила свое название от наименования материала на греческом языке?
2. Перечислите основные методы, которые применяются при работе с каменными артефактами.
3. Могут ли предметы, изготовленные из разных материалов, входить в состав одной музейной коллекции?
4. Каким методом выявляется функциональное назначение археологического предмета?
5. Артефакты, из какого материала реже всего встречаются в археологических коллекциях Бурятии?

Литература

1. Базаров Б. А. Спасательные раскопки 2016 года на Удинском остроге / Б. А. Базаров, Н. В. Именохоев, Д. А. Миягашев // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2016. – № 1(13). – С. 75-84.

2. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – Москва : Наука, 1978. – 272 с.

3. Глушков И. Г. Керамика как археологический источник / И. Г. Глушков. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 328 с.

4. Деревянко, А. П. Палеолитоведение: введение и основы / А. П. Деревянко, С. В. Маркин, С. А. Васильев ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск : Наука : Сиб. изд. фирма, 1994. – 287 с.

5. Клейн Л. С. Археологические источники : учеб. пособие / Л. С. Клейн. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1978. – 120 с.

6. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. – 248 с.

7. Методика обработки коллекций : учеб. пособие / А. П. Бородовский, Л. В. Лбова [и др.]. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-т, 2013. – 391 с.

8. Методика обработки коллекций : учеб. пособие / Т. И. Нохрина, Л. В. Лбова [и др.].– Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-т, 2016. – 296 с.

9. Миняев С. С. Изучение погребений сюнну в Забайкалье // Археологические вести. – 1992. – № 1. – С. 107-115.

10. Мыльников В. П. Полевое и камеральное изучение археологических деревянных объектов (на примере исследования погребальных памятников) / В. П. Мыльников. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 200 с.

11. Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня Среднего Палеолита / П. Е. Нехорошев. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 1999. – 173 с.

12. Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири / Н. Ф. Сергеева. – Новосибирск : Наука, 1981. – 152 с.

13. Симухин А. И. Древнейший металл Западного Забайкалья: истоки цветной металлургии // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2015. – № 4. – С. 20-25.

14. Симухин А. И. Коллекция бронзовых ножей музея Бурятского научного центра СО РАН (II-I тыс. до н.э.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы IV междунар. науч. конф. – Чита, 2013. – Ч. II. – С. 277-287.

15. Сутягина Н. А. Исследование могильника Черемуховая падь в Кяхтинском районе Республики Бурятия в 2015–2017 годах // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В.А. Обручева. – Улан-Удэ, 2017. – С. 106-111.

16. Ташак В. И. Новые исследования по хронологии Барун-Алана-1 (Республика Бурятия) // Известия лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 9-19.

17. Ташак В. И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки Института истории материальной культуры. – 2009. – № 4. – С. 50-62.

18. Ташак В. И. Три Скалы – новое археологическое местонахождение в Западном Забайкалье (предварительное сообщение) / В. И. Ташак, Ю. Е. Антонова // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культура. – 2016. – № 5. – С. 145-152.

19. Фоган Б. Археология. В начале / Б. Фоган, К. ДеКара. – Москва : Техносфера, 2007. – 592 с.

20. Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода / Ю. Б. Цетлин. – Москва : Ин-т археологии Рос. акад. наук, 2017. – 346 с.

21. Щапова Ю. Л. Введение в вещеведение: Естественнонаучный подход к изучению древних вещей / Ю. Л. Щапова. – Москва : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 142 с.

Раздел 4.
ПИСЬМЕННАЯ И ВИЗУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Ключевые слова: *Открытый лист, полевой отчет, полевой дневник, археологическая фотография, археологический рисунок и чертеж.*

Письменные источники в археологической коллекции: документальные и нарративные материалы

Как бы тщательно и профессионально не производились раскопки, археологический памятник будет потерян, если научная документация, сопровождающая археологическую коллекцию, не содержит полной информации о памятнике, методах и ходе работ, а также выводов по их результатам.

Ряд документальных блоков позволяет нам более детально и, в то же время, комплексно проанализировать результаты полевой и камеральной работы археолога – процесса формирования коллекции. К ним относятся полевые дневники, разнообразные заметки исследователя о своей работе и наблюдения, черновые варианты статей, докладов, глав монографий и диссертаций, а также рисунки, чертежи и фотографии – документы, фиксирующие начало, ход и результат работ, а также находки. Каждый вид документа имеет свои особенности ведения и создания.

Кроме того, необходимо рассмотреть ряд документов, не относящихся напрямую к археологической коллекции, однако являющихся важной составляющей при их учете и хранении. К таковым, на наш взгляд, относятся книги поступлений, инвентарные книги, описи археологических коллекций, книги учета посетителей, акты приемки/передачи коллекции или ее части. Эти документы позволяют определить время поступления, количество предметов, их описание, исследовательские интересы, а также движение коллекций в рамках одного учреждения или между несколькими.

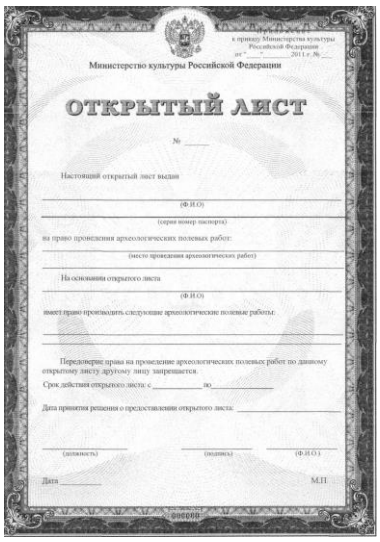
Рассмотрим историю формирования состава документального блока коллекций.

Государственный контроль в области археологических исследований в Российской империи был установлен еще в середине XIX в., хотя важность письменной фиксации сведений об археологических памятниках и артефактах отмечалась уже в документах XVIII в. Так, в 1771 г. по распоряжению Сената при снятии уездных планов стало обязательным включение в журнал «замечания о курганах, пещерах и древних развалинах», что привело к появлению ряда памятников на планах и сделан важный шаг к созданию карт археологических объектов. В первой половине XIX в. контроль над археологическими исследованиями осуществляло Министерство внутренних дел. В 1846 г. создается Русское археологическое общество. В 1859 г. при Министерстве двора была образована Императорская археологическая комиссия, которая с 1889 г. получила право выдавать разрешения на проведение археологических работ – открытые листы. Эта практика в нашей стране существует до сих пор.

После Октябрьской революции и до 1948 г. выдачей открытых листов занималось подразделение Народного комиссариата просвещения СССР – Главнаука; затем эта работа была возложена на Институт археологии Академии наук СССР. В 2009-2014 гг. полномочия были переданы федеральному органу – Росохранкультуре. С 2014 г., согласно Постановлению Правительства РФ «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия», обязанность по выдаче открытых листов и контролю за их надлежащем выполнением была возложена на Министерство культуры РФ (Постановление Правительства РФ от 20.02.2014 № 127).

Итак, открытый лист – это документ, выдаваемый федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения Российской академии наук и подтверждающий право на проведение одного из видов археологических полевых работ (Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» статья 45.1). На основании этого документа археолог с необходимой квалификацией, опытом, умениями и знаниями получает от государства разрешение на проведение археологических раскопок, разведок, наблюдений.

Держатель разрешения (открытого листа) «…определяет последовательность их выполнения, выбирает методику исследований, ведет полевой дневник, осуществляет контроль за ходом работ, графической и фотографической фиксацией, а также за первичной камеральной обработкой полученных материалов, в том числе непосредственно участвуя в указанных полевых работах» (Ил. 17).



к приказу Министерства культуры Российской Федерации от "__" _____ 2011 г. № ___

Министерство культуры Российской Федерации

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ

№ _____

Настоящий открытый лист выдан

_____

(Ф.И.О)

_____

(серия номер паспорта)

на право проведения археологических полевых работ:

_____

(место проведения археологических работ)

_____

На основании открытого листа

_____

(Ф.И.О)

имеет право производить следующие археологические полевые работы:

_____

_____

Передоверие права на проведение археологических полевых работ по данному открытому листу другому лицу запрещается.

Срок действия открытого листа: с _____ по _____

Дата принятия решения о предоставлении открытого листа: _____

_____ _____ _____

(должность) (подпись) (Ф.И.О.)

Дата _____ М.П.

Ил. 17. Открытый лист

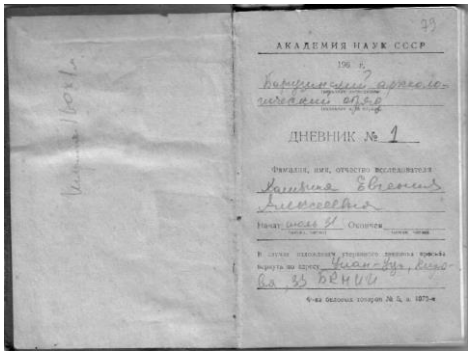
Открытый лист всегда выдается на бланке учреждения с подписью руководителя и печатью организации. Отметим, что содержание открытого листа с незначительными изменениями сохранилось с XIX в. В него входит следующая информация: кому выдан, кто выдал, какие работы можно производить, где эти работы должны быть произведены, присутствует информация об обязательности подготовки и сдачи отчета после проведения полевых работ. Таким образом, наличие в комплексе документации коллекции открытого листа исследований позволяет определить законность археологических работ; даты, локацию и руководителя раскопок. Кроме того, с определенной уверенностью можно предполагать наличие научного отчета и других видов документов.

Уже первые археологические исследования в Бурятии сопровождали открытые листы, что свидетельствует о серьезном правовом статусе проводимых работ. Информация об открытых листах Ю.Д. Талько-Грынцевича приведена в работе С.С. Миняева.

По завершению всех археологических работ, а также подготовке и передаче отчета в архив Института археологии (Москва) открытый лист прилагается к отчету и хранится вместе с ним.

Одним из важных документов археологической коллекции является полевой дневник, фактически создаваемый первым из всего документального блока.

В классическом источниковедении дневник – это письменный исторический источник личного происхождения, представляющий собой повседневные записи автора дневника о событиях и явлениях, свидетелем которых он был. Ценность дневника в том, что это исторически подвижная категория. Они дают возможность историку изучать индивидуальные особенности конкретных личностей, их взгляды, уровень культуры и т.п. Специфика изложения заключается в субъективном восприятии личности отдельных моментов истории (Ил. 18).



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

19__ г.

Камчатский археологический отряд

ДНЕВНИК № 1

Фамилия, имя, отчество исследователя

Хамзина Евгения Алексеевна

Начат "__" _____ Окончен "__" _____

Ил. 18. Полевой дневник Е.А. Хамзиной
ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. Ф.50

Кроме «личных» дневников в источниковедении выделяют и дневники «официальные» (служебные). В археологии таковым и является полевой дневник.

Ведение полевого дневника производится в ходе всех видов археологических полевых работ, на всех этапах: «Все разведочные шурфы, зачистки, зондажи должны быть зафиксированы дневниковыми записями». «В ходе археологических наблюдений следует вести полевой дневник для записей процесса ведения работ, описания структуры поврежденного культурного слоя, материкового грунта, обнаруженных находок, мест их концентрации».

Полевой дневник обязательно должен содержать комплексную информацию об археологических работах, кроме того в Положении отмечается важность полевого дневника для составления научного отчета, по сути его определяют как основу для составления научного отчета: «В ходе работ необходимо ведение полевого дневника для подробного описания методики и процесса археологических раскопок, вскрываемых культурных напластований, древних сооружений и погребальных комплексов и фиксации фотографического материала. Дневниковые данные служат основой для составления научного отчета о выполненных археологических полевых работах», а «…полученные при археологических раскопках находки, материалы, остеологические, палеоботанические и другие остатки фиксируются в полевом дневнике, обозначаются на чертежах соответствующей символикой и фотографируются».

Несмотря на то, что в Положении отмечается значимость ведения дневниковых записей при выполнении археологических работ, там нет четких рекомендаций и требований к форме подобных записей. Между тем, это серьезная методическая проблема; не случайно к ней обратился классик археологии Л.С. Клейн. Он предложил пять требований к ведению археологами полевых дневников:

– *Полнота сведений*. С точки зрения Л.С. Клейна, необходима максимальная фиксация разносторонней информации, даже на первый взгляд кажущейся малозначительной или вообще ненужной. Исходить надо из принципа «незаписанное наблюдение – не было сделано». Совершенствование методов археологического исследования требует большей информации, «…поэтому собирать надо и те сведения, которые не только для самого исследователя, но и для современной науки не имеют значения, не входят в стандартную программу сбора информации, не поддаются объяснению и использованию». Описание исследуемой площади должно включать обзор места его расположения, размеры, ориентировку, нивелировочные отметки, описание слоев, находок, пояснения и заключения, описи фотографий. В дневнике обязательно делаются комментарии о выполнении специальных работ: зачистке объектов или сборе лабораторного анализа.

– *Документальность.* Л.С. Клейн видит в дневнике официальный документ, на который распространяются соответствующие требования к оформлению. Он выделил несколько значимых правил: нумерация страниц, нужно избегать помарок, не допускается изъятие страниц, зачеркивание недействительной информации должно быть аккуратным. «Полевой дневник – это большой непрерывный и многодневный протокол».

– *Объективность и точность*. «Необходимо строго отделять свои субъективные предположения от объективно наблюденных факторов». Схожего мнения придерживаются А.И. Мартынов и Я.А. Шер: «…полевые записи в дневнике должны быть логичными, четкими и простыми, понятными даже для тех, кто не принимал участия в работе на раскопе». В то же время Л.С. Клейн отмечает необходимость фиксации исследовательских гипотез при полевых работах, «…так как в этих свежих заметках может оказаться какая-то ценная информация об объектах, которая легко способна ускользнуть от внимания и будет полностью утрачена». Обязательная часть полевого дневника – наличие всевозможных схем, зарисовок предметов и сооружений.

– *Прочность или долговечность всех фиксаций в дневниках*. Бережное отношение к дневнику, обеспечение его сохранности лежит на авторе. Для этого необходимо вовремя его «…скопировать для себя, а оригинал вовремя сдать в архив государственного археологического учреждения».

– *Ясность.* «Задача заключается в том, чтобы донести информацию до читателя дневника именно в том виде, в котором она освоена автором. Логичность, последовательность, систематичность нужна в описаниях каждого участка работы и на каждом этапе.

В архивных фондах нами выявлены дневники Е.А. Хамзиной, А.Д. Цыбиктарова, С.В. Данилова. Рассмотрим подробнее материалы из личного архива Е.А. Хамзиной. В нашем распоряжении оказались 10 дневников, которые представляют собой блокноты с твердым переплетом размером 15×10 см разных цветов. На верхней части переплетов расположена надпись: «Академия наук СССР», ниже изображена звезда и надпись «Полевой дневник». Исключением является дневник 1956 г., на котором надпись только одна - «Академия наук», расположенная немного выше середины переплета.

Титульный лист выполнен в форме анкеты. Она включает в себя следующие позиции для заполнения: название экспедиции, название и № отряда, № дневника, ФИО исследователя, даты начала и

окончания дневника. Внизу титульного листа специально указано «В случае нахождения утерянного дневника просьба вернуть по адресу _____». Страницы дневника изготовлены из желтоватой бумаги в клетку; количество листов разнится, но в среднем их около 100. Кроме разлинованных листов для записей есть 16 чистых отрывных листов, а также 10 листов миллиметровой бумаги для набросков чертежей и рисунков.

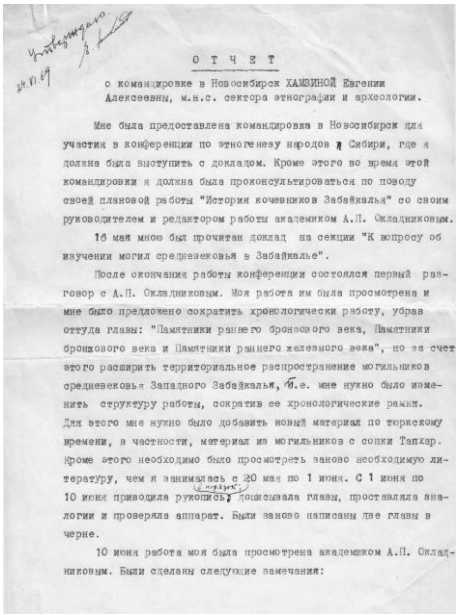
В нашем распоряжении имеются дневники за 1956, 1962, 1963 гг. (2 дневника), 1964 г. (2 дневника), 1966, 1967 гг. Кроме того есть 2 дневника с записями за несколько лет: 1962-1965 гг. и 1963, 1966, 1968 гг.

По содержанию дневники сгруппированы следующим образом:

1. Экспедиционные – это дневники, содержащие информацию о ходе археологических работ. Они сопровождаются рисунками, схемами и чертежами. Записи делались каждый день в течение всего периода раскопок. Из дневников становится ясно, что Е.А. Хамзина работала в этот период в Баргузинском и Курумканском районах на следующих археологических объектах: Баянгол, Уро, Хунтэй, Телятниково, Белые воды и др. памятниках указанных районов.
2. Дневник бухгалтерского учета содержит информацию об экспедиционных расходах. Такого рода дневники датируются 1963 г. и 1964 г. Информации об археологических объектах, на которых работала Е.А. Хамзина в этот момент нет, но при с равнении с другими дневниками этого времени выясняется, что ученый работала в Баргузинском и Курумканском районах Бурятской АССР.
3. Дневники для заметок разного рода. В них разрозненная археологическая и этнографическая информация, полученная в ходе наблюдений и бесед с местными жителями.

Таким образом, полевые дневники, связанные с археологическими коллекциями Бурятии (на примере дневников Е.А. Хамзиной), отвечают выделенным Л.С. Клейном требованиям по ведению дневниковых записей. В них содержится разнообразная информация об участниках экспедиций и бухгалтерского учета до этнографических заметок и ходе археологических работ. Кроме того, в дневниках встречаются зарисовки находок, костяков погребенных и самих погребений.

Важнейшим нарративным документом в составе археологической коллекции является научный отчет о выполненных археологических работах (далее – научный отчет). Это основной документ, представляющий результаты проведения археологических полевых работ в соответствии с выданным разрешением (открытым листом). Научные отчеты представляют важнейшую источниковую базу для обобщающих исследований исторического прошлого человека. Таким образом, Положением за научными отчетами закрепляется источниковый статус. Они позволяют, с одной стороны, более полно изучать артефакты коллекций в контексте исторического прошлого. С другой – проследить развитие методов и методики археологии (этапы археологических полевых работ, методы проведения раскопок, исследования находок и т.д.) (Ил. 19).



О Т Ч Е Т

о командировке в Новосибирск ХАМЗИНОЙ Евгении Алексеевны, м.н.с. сектора этнографии и археологии.

Мне была предоставлена командировка в Новосибирск для участия в конференции по этногенезу народов Сибири, где я должна была выступить с докладом. Кроме этого во время этой командировки я должна была проконсультироваться по поводу своей плановой работы "История кочевников Забайкалья" со своим руководителем и редактором работы академиком А.П. Окладниковым.

16 мая мною был прочитан доклад на секции "К вопросу об изучении могил средневековья в Забайкалье".

После окончания работы конференции состоялся первый разговор с А.П. Окладниковым. Моя работа им была просмотрена и мне было предложено сократить хронологически работу, убрав оттуда главы: "Памятники раннего бронзового века, Памятники бронзового века и Памятники раннего железного века", но за счет этого расширить территориальное распространение могильников средневековья Западного Забайкалья, т.е. мне нужно было изменить структуру работы, сократив ее хронологические рамки. Для этого мне нужно было добавить новый материал по тюркскому времени, в частности, материал из могильников с сопки Тапхар. Кроме этого необходимо было просмотреть заново необходимую литературу, чем я занималась с 20 мая по 1 июня. С 1 июня по 10 июня приводила рукопись, дописывала главы, проставляла аналогии и проверяла аппарат. Были заново написаны две главы в черне.

10 июня работа моя была просмотрена академиком А.П. Окладниковым. Были сделаны следующие замечания:

Ил. 19. Фрагмент отчета Е.А. Хамзиной
ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. Ф.50

Научный отчет отличается от полевых дневников по структуре. Заключительный отчет должен содержать всю необходимую научную информацию и подводить итог всех проведенных археологических работ на раскопе. Отчет должен содержать «…все сведения о памятнике, его местоположении, данные о раскопе, его расположении, размерах, стратиграфии, описание слоев, открытых объектов, основные выводы. Может быть предложена сравнительная датировка материала и самого памятника. В отчете должны содержаться данные и выводы автора об экологии местности, ее водных и пищевых ресурсах, фауне и флоре».

«Держатель разрешения (открытого листа) является основным исполнителем полевых работ, автором научного отчета и несет личную ответственность… за качество выполнения взятых на себя полевых работ, подготовку и сдачу научного отчета». Ответственность за качество научного отчета, а соответственно и проведенные полевые работы ложится на держателя открытого листа (автора). Согласно пункту 6.2. Положения научный отчет должен быть «…представлен в Институт археологии РАН для рассмотрения и оценки качества проводимых исследований».

Научный отчет, в отличие от дневника, имеет ряд требований, закрепленных в «Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» (2018 г.). Согласно этому документу научный отчет включает текстовую, графическую и фотографическую документацию, отражающую результаты полевых работ; опись находок и приложений. Если к моменту сдачи отчета изъятые археологические предметы были переданы на хранение в государственную часть Музейного фонда РФ, то необходимо приложить опись переданных предметов.

Структурно введение научного отчета содержит физико-географическую характеристику района проведения работ; историографический раздел; раздел, посвященный методике работ. Основную часть составляет описание выполненных археологических работ; основные итоги работ отмечаются в заключении; приложения содержат иллюстративную часть отчета.

Обязательным является полное описание применяемой методики работ. При выявлении скопления находок, которые предположительно относятся к одному объекту, комплексу, событию, «…необходимо зафиксировать местоположение каждой в рамках единой координатной сетки, привязанной к географическим координатам. Автор вправе оставить на месте раскопа массовый материал, но при этом «…указанный материал должен быть сфотографирован, зафиксирован в дневнике, представлен в научном отчете о выполненных археологических полевых работах». Кроме того, в научном отчете должны быть отражены работы по рекультивации и консервации места раскопов.

В последние годы вновь активизировались археологические исследования на памятниках, уже широко известных в научных кругах. Так, под руководством Н.Н. Крадина с 2017 г. проводятся работы на Нижнеиволгинском хуннском городище; П.Б. Коноваловым, Б.А. Базаровым и Д.А. Миягашевым возобновлены раскопки на могильнике Ильмовая падь, В.И. Ташак на Усть-Кяхтинском археологическом комплексе продолжил изучение памятников эпохи палеолита. В этой связи актуализируются работы выдающихся предшественников, открывших и изучавших эти памятники ранее.

В г. Улан-Удэ аккумулирован большой массив археологических отчетов, однако, как правило, они хранятся отдельно от коллекций, что существенно снижает исследовательский потенциал региональных археологических коллекций как комплексного исторического источника.

Документы археологических экспедиций на территории Бурятии за 1923-2003 гг., собранные в архивном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН, рассмотрены С.В. Бураевой; в обзоре аннотированы содержание и специфика текстов и иллюстраций. В общем архивном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН имеется отчет П.К. Козлова, посвященный раскопкам хуннских курганов Ноин-Ула в Монголии. Отчет его датируется 1923 г. В нашем распоряжении имеются отчеты Г.Ц. Цыбикова, который в 1925 г. совершил разведку в Кижингинском хошуне. В нем практически нет научной информации, однако интересны сведения о петроглифах на скале у р. Зальтрик и в пади у р. Холтесон. Отчетов за 1930-е гг. в архиве ЦВРК ИМБТ СО РАН нет.

Археологические исследования на территории Бурятии в послевоенные годы связаны с именем А.П. Окладникова. В годы работы второй Бурят-Монгольской археологической экспедиции были обследованы памятники археологии в Кяхте, Наушках, Хоронхое, Колобках, устье р. Темник, долины рек Селенги и Уды, проведены раскопки Нижнеиволгинского городища.

С конца 1940-х гг. в Бурятии начинает свою работу А.В. Давыдова, которая в течение нескольких полевых сезонов исследовала гуннское городище в Иволгинском районе. В ее отчете о проведенных

работах 1949 г. дается описание и размеры городища, анализ археологических находок, которые в последующем вошли в состав коллекций музея истории Бурятии (ныне Национальный музей РБ).

Научные отчеты П.Б. Коновалова составляют самый массивный блок археологических материалов, хранящихся в общем архивном фонде ЦВРК. Период, который охватывают отчеты исследователя, составляет более 10 лет – с 1960 по 1972 гг. За это время проведены археологические разведки в долине р. Хилок, обследованы реки Брянка, Илька, Челутай на территории Заиграевского аймака. В 1962 г. осуществлены раскопки неолитической стоянки у с. Мухино. В следующем году была проведена археологическая разведка восточного побережья Байкала. Отчеты за 1965 и 1966 гг. содержат информацию о раскопках хуннского могильника в Черемуховой пади, а отчет за 1967, 1971-1972 гг. в Ильмовой пади. Полученный археологический материал вошел в состав коллекций Национального музея РБ, Музея БНЦ; анализ этих материалов стал основой классической монографии П.Б. Коновалова «Хунну в Забайкалье». В 1969 г. ученый принял участие в Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР. Ему удалось побывать на раскопках кургана Орта-Хема и могильников Аймарлыг и Аргалыкты.

Отчеты археологов 2000-х гг. более формализованы. В них содержится информация об истории археологических работ на памятнике, описание работ и иллюстрации. В Общем архивном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН хранятся отчеты об археологических работах С.В. Данилова, Б.Б, Дашибалова, В.И. Ташака, Л.В. Лбовой и др. ученых, работавших в тот период. Деятельности Байкальской археологической экспедиции посвящены отчеты 2002 и 2003 гг., структурно схожие с предыдущими.

в фондах Национального музея РБ Архивный хранится фонд первого археолога-бурята Э. Р. Рыгдылона; в научный оборот материалы практически не введены.

Архивные материалы об археологических изысканиях на территории Бурятии находятся и в академических учреждениях Москвы и Санкт-Петербурга (архив Института археологии РАН, архив Института истории материальной культуры, фонды филиала Архива РАН).

Удалось установить, что в фондах научного архива Института истории материальной культуры содержатся наиболее ранние материалы о раскопках Ю.Д. Талько-Грынцевича на различных памятниках (Сахюрта, могилы в Бичуре, Гуджир, Дырестуйский Култук, Ильмовая падь, Зарубино, Оргойтон и др.).

В этом же учреждении хранятся сведения о работах, проведенных Г.Ф. Дебецем в Троицкосавском аймаке Бурят-Монголии в 1925-1930 гг.; отчеты о других раскопках, а также материалы археологического изучения Забайкалья, Якутии и др. Описания работ и находок, чертежи, фотографии раскопок, сделанные Г.П. Сосновским в Ильмовой пади, аккумулированы в его личном фонде.

Выявлены в этом архиве и материалы, связанные с раскопками А.П. Окладникова. Наиболее ранняя информация – отчет о разведочных работах 1928 г., отчет о деятельности Бурятско-Ангарской экспедиции 1940 г., а также отчет о полевых работах по обследованию памятников долины р. Уды от Еравнинских озер до г. Улан-Удэ.

Отметим, что научные отчеты, связанные с именем А.П. Окладникова, были выявлены и в архиве Института археологии РАН (Москва). Наиболее ранний – отчет о раскопках в долине р. Селенги летом 1947 г. Работы проводились Бурят-Монгольской археологической экспедицией ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР, НИИКЭ Бурят-Монгольской АССР в г. Кяхте, пос. Наушки, на возвышенности Херексурин-Ури, у д. Харанхой, Колобки, Ирдынеева гора. Раскопки осуществлены по открытому листу № 54. Период работы 3 августа – 28 августа 1947 г. Полевые исследования начаты были в районе г. Кяхта, в ходе экспедиции 1947 г. на Селенге раскопкам было подвергнуто местонахождение древних фаун и изделий в кяхтинском обрыве и несколько погребений. Из числа последних наиболее древними являются захоронения типа плиточных могил эпохи бронзы и раннего железа, как оказалось все разграбленные. Вторая группа исследованных могил представлена находками в Наушках, типично кочевнические, судя по керамике – ранними до XII-XIII вв. Выявлены грунтовые в каменных ящиках курганные могильники: Кяхта, Наушки, Херексурин-Ури, Харанхой, Ирдынеева гора – всего семь. Широкий хронологический диапазон находок: каменный век – ранний железный век (плиточные могилы) – средневековье XIII в. (погребения). Отметим, что в отчете нет сведений о коллекции.

В этом же архиве хранится отчет об археологических исследованиях А. П. Окладникова в долине р. Селенги летом 1948 г. Работы проводились Бурят-Монгольской АЭ ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР. Маршрут пролегал от г. Улан-Удэ до с. Кабанск. Обнаружены стоянки на р. Селенге: Острожская, Итанцинская пещера; писаница у д. Юговая; одиночное погребение и грунтовый могильник у д. Фофаново и др., всего 29 памятников эпохи палеолита и неолита. Полевые исследования начаты были в районе г. Улан-Удэ и продолжены вниз по Селенге вплоть до с. Кабанска и Фофаново. В этом районе

обнаружен ряд новых палеолитических стоянок, давший характерный материал: нуклеусы, нуклеевидные орудия, большие овальные скребла, ножевидные пластины, отщепы из черного кремнистого сланца. Самый северный пункт распространения этих стоянок – район Фофаново. В отличие от большинства палеолитических стоянок Забайкалья они находятся в непотревоженном состоянии. Согласно отчету, не менее интересны следы неолитических культур в низовьях Селенги, представлены как поселениями, так и погребениями. Среди первых выделяется ряд местонахождений многослойного характера, давшие каменные и костяные изделия, остатки фауны и достаточно обильную керамику. Исследователями 1948 г. в долине Селенги от г. Улан-Удэ до Кабанска были, таким образом, завершены предварительные работы этого района, начатые в 1947 г. Установлены основные виды этих памятников и констатировано их своеобразие, отражающее особый конкретно-исторический процесс, протекавший здесь в течение ряда тысячелетий. Также в ходе экспедиции были проведены раскопы 23 погребений, в том числе и детских. И в этом отчете сведений о коллекции нет. Кроме того, есть пометка о том, что «Графическая документация и фото находятся в ЛОИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР».

Отчет о работе А. П. Окладникова в Бурят-Монгольской экспедиции летом 1949 г. отражает совместные исследования Бурят-Монгольской АЭ АН СССР и НИИ культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР. Отчет содержит сведения о раскопках Нижне-Иволгинского городища[2] в окрестностях г. Улан-Удэ и пос. Нур (НА ИА РАН ф. 1, р. 1, д. 363). Период работы Бурят-Монгольской экспедиции – июль-август 1949 г. В работе приняли участие: м.н.с. В.П. Шилов, н.с. Б.Д. Запорожская, зам. директора краеведческого музея Улан-Удэ С.П. Костарев, сотрудник ЛГУ А.В. Давыдова, аспирант ЛГУ Н.Н. Диков.

Основной задачей экспедиции стала проблема изучения гуннской культуры, исследование Нижне-Иволгинского городища – «…самого крупного из известных ныне гуннских городищ Забайкалья». Со слов А.П. Окладникова, «…местные того времени называли памятник “китайское место”. Приведены размеры городища и краткое описание результатов исследований предшественников. В 1949 г. раскопки были сосредоточены в юго-восточной части городища, так как северо-западная его половина была распахана. И вновь – отчет не содержит сведений о коллекции.

Летом 1950 г. археологические исследования А. П. Окладникова проходили в Бурят-Монголии и Читинской области. Сведений о ведомственной принадлежности экспедиции в отчете нет. Раскопки и разведки прошли в Бурятии и Агинском Бурятском АО Читинской обл., Кабанском р-не, д. Фофаново, Судунтуе, г. Чите, с. Агинское, Ланху-тор. Выявлены грунтовые могильники: Шахан, Хутогойский, Бурхотуйский, Мулутай; Кондуйское городище, писаница на скале Токтуй (эпоха бронзы – средневековье IV тыс. до н.э. – I тыс. н.э). Сведения о коллекции и в этом случае не приводятся.

Два архивных дела связаны с именем первого археолога-бурята Э. Р. Рыгдылона. В архиве хранятся краткий отчет об археологической разведке летом 1947 г.; отчет о работе Ангарского отряда Бурят-Монгольской археологической экспедиции (НА ИА РАН ф. 1, р. 1, д. 112). Работы проводились совместно с Саяно-Алтайской АЭ Минусинского музея, Бурят-Монгольской АЭ ИИМК АН СССР, НИИКЭ Бурят-Монгольской АССР. Территория исследований – Красноярский край, Хакасская АО, Бурят-Монгольская АССР, Иркутская обл. Были исследованы памятники I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. до XIX в. Сведений о коллекции также нет. Редкий случай – отчет Э. Р. Рыгдылона об археологических разведках летом 1955 г. Работы проходили в рамках лингвистической экспедиции Иркутского госуниверситета в Иркутской области (Аларский, Нукутский, Балаганский, Бурят-Монгольский р-ны, побережье оз. Алят, улус Нельхай, пос. Нукуты, Бохай). Обследованы стоянка Алят; городище Нукуты. В отчете указано, что коллекция передана в краеведческий музей Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа.

Наиболее многочисленный сегмент архивных материалов связан с работами в Бурятии А.В. Давыдовой в 1955-1960-х гг. Первый по хронологии отчет о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции датирован 1955 г. Бурят-Монгольская АЭ ЛОИИМК АН СССР вела разведки и раскопки по открытому листу № 115 на Иволгинском городище I в. до н.э. – I в. н.э. Коллекция передана в ЛОИИМК АН СССР. Отчет за следующий 1956 г. посвящен раскопкам Бурят-Монгольской археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР в окрестностях г. Улан-Удэ. Работы осуществлялись по открытому листу № 100. Бурят-Монгольская экспедиция продолжила работы на Иволгинском городище и Иволгинском могильнике, начатые в 1949 г. Были вскрыты 17 могил по материалам, которых сделаны следующие выводы: «Могильник отличается единой, строго

[2] Сейчас в литературе этот памятник называется Иволгинское городище.

выдержанной ориентацией погребений, единым обрядом погребений, единством инвентаря. Позволил датировать его временем II-I вв. до н.э. Сведений о коллекции нет».

Работы А. В. Давыдовой на Иволгинском городище были продолжены в 1958 г. Сведений о ведомственной принадлежности экспедиции нет. Работы проводились по открытому листу № 195. Приведено подробное описание раскопа в юго-западном углу Иволгинского городища. Было раскопано девять жилищ. Датировка или принадлежность не определены. Коллекция временно хранилась на кафедре археологии ЛГУ им. А.А. Жданова, затем передана в г. Улан-Удэ.

Следующий отчет А.В. Давыдовой о раскопках Иволгинского городища датируется 1961 г., которые производились Бурятским комплексным научно-исследовательским институтом СО АН СССР в течение июля-августа 1961 г. и продолжили начатые в 1958-1959 гг. раскопки в южной части поселения. В 1963 г. археологическое исследование Иволгинского могильника продолжилось под руководством начальника отряда А.В. Давыдовой по открытому листу № 185. Работы производились на Иволгинском могильнике, расположенном в 440 метрах к северо-востоку от Иволгинского городища, на песчаных выдувах р. Иволга (в 16 км к юго-западу от Улан-Удэ). Первые раскопки могильника проведены в 1956 г., когда было исследовано 17 могил. Работы 1963 г. явились продолжением работ 1956 г. В течение июля-августа 1963 г. вскрыто 103 могилы (№ 18-120). Найденный археологический материал дополняет коллекции городища целой серией замечательных вещей, представленных бронзовыми пряжками с изображением зверей. Две бронзовые пряжки с изображением борьбы двух тигров с драконом обнаружены в женском погребении № 100, что дало возможность установить назначение этих блях как поясных пряжек и тем самым положить конец спору об их назначении, прояснить вопрос об их датировке и этнической принадлежности.

Работа Иволгинского археологического отряда факультета ЛГУ летом 1968 г. проходила под руководством начальника отряда А.В. Давыдовой по открытому листу № 167. Период работы Иволгинского археологического отряда с 11 июля по 24 августа 1968 г. Исследована 31 могила (№ 157-188). Материал не только подтвердил выводы, которые были сделаны на основании предыдущих работ, но и дал ряд новых данных, касающихся характеристики могильных ям и внутримогильных сооружений.

Итак, московские материалы отражают деятельность А.П. Окладникова, Э.Р. Рыгдылона и А.В. Давыдовой за два десятилетия – со второй половины 1940-х по конец 1960-х гг. К сожалению, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН фонд А.П. Окладникова (№ 1099) находится в научно-технической обработке и уже несколько лет недоступен для исследователей.

Археографическое обследование архивных фондов Москвы и Санкт-Петербурга выявило значительное количество материалов, в большинстве своем неиспользуемых современными исследователями древней истории Бурятии. Между тем полученные данные, несомненно, имеют существенное значение для археологии региона. Обращаясь к архивным материалам о раскопках предшественников, мы получаем необходимые уточняющие сведения. Однако все эти материалы находятся вне коллекций, что создает сложности в оперативном исследовании и требует практически фронтального поиска материалов конкретных экспедиций в учетной документации музейных учреждений.

В начале данного раздела уже упоминалось о том, что дополнительным источником в исследовании археологических коллекций является учетно-регистрационная группа делопроизводственных документов, формируемая музейными хранителями.

Чтобы коллекция, переданная в музейный фонд, стала источником получения научного знания о прошлом, необходимо обеспечение ее физической сохранности; учет в контексте археологического памятника; правильная организация хранения; обеспечение доступа специалистов для научного изучения. Все необходимые сведения сосредоточены в комплексе делопроизводственной и учетной документации, обязательной для всех музеев – книге поступлений, инвентарных книгах, внутренней документации музея. Работа специалистов с коллекцией фиксируется двумя способами – книга регистрации выдачи музейных предметов (далее – книга регистрации) и заявления исследователей (далее – заявления). И книга регистрации и заявления заполняются от руки на официальном бланк. В ряде случаев (если это касается фотографирования предметов в экспозиции или видеосъемки) обращение фиксируется в форме заявления, таким образом, для полноты аналитической базы необходимо применять эти данные именно в комплексе.

Рассмотрим источниковедческий потенциал данной группы документов на примере материалов Музея БНЦ СО РАН. Согласно записям книги регистрации выдачи музейных предметов, в период с

2009 по 2018 г. с коллекциями Музея БНЦ СО РАН работали 47 исследователей из Японии, США, Германии, Швеции Южной Кореи и России. Однако очевидно, что интерес к коллекциям и предметам был неравномерен. Так, в 2009 г. в музее работало 5 исследователей, в 2010 г. – 9, в 2011 г. – 4, 2012 г. – 3, 2013 г. – 5, 2014 г. – 1, 2015 г. – 1, 2016 г. – 10, 2017 г. – 11, 2018 г. – 4 ученых (Ил. 20).

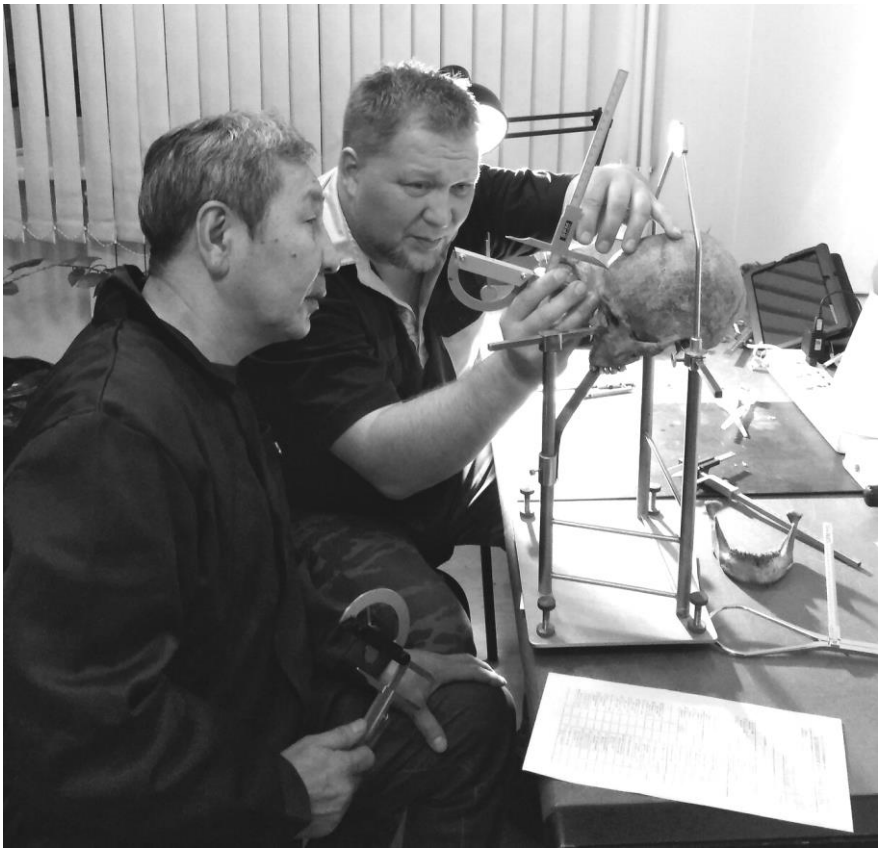
Ил. 20. Исследование археологических предметов в Музее Бурятского научного центра СО РАН. Трасолог Йошитака Каномата (Университет Тахоку, Япония). 2019 г.

Еще более неравномерно исследователи, посетившие музей, разделились по областям знаний. Записи в книге регистрации в совокупности со сведениями из заявлений исследователей содержат следующие данные: 22 археолога, 6 палеонтологов, 5 антропологов, 2 геолога, 1 биолог, 1 инженер. Как видно из количественных показателей, наибольшей интерес к коллекциям музея БНЦ СО РАН проявляют представители археологии. Возможно, это объясняется богатой археологической коллекцией музея; вполне вероятно сказывается уже достаточно обширная библиография работ, опубликованных на материалах музея. Прежде чем рассмотреть изучение коллекций собственно археологами, отметим, что запросы на работу с археологическим материалом делали и представители других наук.

Сведения книги регистрации позволяют проанализировать интересы представителей других отраслей знания к предметам (и коллекциям) археологии, понять уровень и возможности мультидисциплинарного изучения археологических коллекций. Так, в июне 2011 г. для исследования состава, структуры и свойств металла художественных изделий с материалами музея работала доцент кафедры «Металловедения и технологии обработки материалов» ВСГУТУ О.В. Старова. Она изучила две поясные пластины, две поясные пряжки и один фрагмент зеркала бронзового века. В октябре 2012 г. ведущий инженер НИИ Иркутского государственного университета С.А. Когай изучил более 200 предметов каменной индустрии с археологического памятника Каменка (А и В). Материалы были необходимы для сравнения техники обработки камня с артефактами археологических памятников Прибайкалья. В течение нескольких лет к.г.-м.н. М.В. Бурцева в рамках проекта «Адаптивные стратегии древнего населения юго-восточного Прибайкалья (неолит – бронзовый век)» исследовала каменные орудия труда (вкладышевые ножи, скребки и др.), каменные украшения (кольца кальцитовые) и остатки каменной индустрии (отщепы, галька, сколы, заготовки нуклеусов).

Работа с материалами археологических памятников ведется и антропологами. Регулярно с 2010 г. к этому типу материалов обращались представители Японии, Стокгольма, Москвы, Тюмени. Отмечается исключительный интерес к экспонатам эпохи камня. Так, одонтологическое исследование, фотофиксацию и частичное измерение антропологического материала Фофановского могильника в апреле 2010 г. провела научный сотрудник отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Н.А. Лейбова (повторно она работала в музее уже в 2013 г. и исследовала более 2 тыс. фрагментов, костей в том числе позвонки, зубы, фаланги, ребра, длинные

кости, фрагменты черепа и др.). В ноябре 2010 г. научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая С.Ю. Фризен провел антропологические измерения 2068 костей и фрагментов с разных погребений Фофановского могильника. Исследования коллекций музея классическими методами физической антропологии продолжил в ноябре 2018 г. с.н.с. ИПОС Тюменского НЦ СО РАН К.Н. Солодовников. Он провел измерения, фотографирование, реставрацию четырех черепов Фофановского могильника разных погребений (Ил. 21).



Ил. 21. Научный сотрудник ИМБТ СО РАН А.И. Бураев и старший научный сотрудник ИПОС СО РАН К.Н. Солодовников проводят измерения краниологических материалов. 2018 г.

В 2017 г. целый ряд зарубежных антропологов обратился к материалам музея. Наталия Кашуба (Стокгольмский университет, лаборатория Валенберга), Сато Такахива (Университет Каназава, Япония), Алиша Вентреска Миллер (Института М. Планка, Германия) проводили отбор проб для генетических анализов (анализ ДНК, геном, датирование, изотопный анализ); исследовались зубы, фрагменты скелетов и черепов из различных погребений Фофановского могильника эпохи неолита.

Обратимся к изучению коллекций музея собственно археологами. Анализ записей в книге регистраций и заявлений исследователей подтвердил, что наиболее востребованными материалами также являются артефакты каменного века. В период с 2009 по 2018 гг. к ним было семнадцать обращений исследователей разных специальностей. Наибольший интерес вызывают материалы из погребений Фофановского могильника в разные годы (1996, 2007, 2008 гг.). Кроме этого памятника интерес среди исследователей вызывали палеолитические памятники Каменка (А и Б) и Хотык. Среди материалов бронзового и железного веков, а также эпохи средневековья интерес вызывают артефакты, относящиеся к элементам вооружения, доспехов, конской упряжи, украшениям.

Таким образом, анализ специальной документации показывает, что археологические коллекции музея БНЦ СО РАН становятся, прежде всего, источниками по изучению расо- и этногенеза народов, населявших Байкальский регион в разные периоды; устойчивый тренд – интерес к эпохе неолита. Оценка коллекций также дает возможность исследователям уточнить технологический уровень изготовления орудий, предметов культа, конской сбруи, изготовленных из различных материалов (бронза, глина, дерево, железо, камень, кость и т. д.). Очевидно, что делопроизводственные материалы музея являются достаточно информативными источниками как по истории науки, так и истории

коллекций музея. С одной стороны, в книге регистрации содержатся сведения, позволяющие выявить географию, учреждения, персоналии, количество и тематику запросов. С другой – есть возможность оценить разнообразие методов исследований, изменение или устойчивость тренда в научных изысканиях, специализацию или мультидисциплинарность проектов. К сожалению, в более ранний период (до 2009 г.) книга регистрации не велась; таким образом, по данным источникам проанализировать возможно лишь период текущего десятилетия.

Итак, письменные источники – это важная составляющая археологических коллекций. Дневники и отчеты позволяют передать контекст исследований, восстановить нарушенную раскопками целостность археологического памятника, фактически «перенося» артефакты в иную среду и на иной (бумажный или электронный) носитель. Письменные источники в составе археологических коллекций позволяют повысить сохранность как самих коллекций, так и сведения об археологическом объекте.

Визуальные материалы как составляющая археологической коллекции

Визуальная часть – это третья неотъемлемая составляющая археологической коллекции. Она позволяет визуализировать археологический объект и привязать его к географическому положению, а также связать разные объекты на одном памятнике. Важно отметить, что чертежи, рисунки и фотографии – это научный документ и поэтому к подобным документам предъявляется ряд специальных требований. При условии выполнения этих требований блок визуальных материалов становится корректными источниками исследования, общая задача которых – отображение археологического объекта или находки. Максимально точная, адекватная и объективная фиксация всего комплекса археологических материалов, перевод их в графические системы (чертежи, фотографии, рисунки) «…формирует один из наиболее обширных разделов источниковедческой базы археологии, ее фактологический фонд».

Фотофиксация археологической работы придает значимость научно-документированному материалу. Археологическая фотография – «…это научный документ, фиксирующий процесс раскопок, расположение объектов и артефактов, помогающий понять взаимосвязь всех найденных предметов». Действительно, фотография призвана зафиксировать максимум информации о внешнем виде предмета и памятника в целом для исследователя.

В процессе полевых работ археолог осуществляет три вида фотографирования: фотофиксация процессов раскопок; археологических объектов и предметов в слое; фотографирование вне слоя археологических предметов. Проведение съемки при естественном освещении – это важная особенность при фотографировании в полевых условиях (Ил. 22).

Ил. 22. Иволгинское городище. Общий вид раскопа 2. 2018 г.
Раскопки Н.Н. Крадина, С.Д. Прокопец, А.И. Симухина, Н.В. Именохоева.
Из фонда фотоматериалов ИМБТ СО РАН.

Научную ценность археологическая фотография имеет в том случае, если соблюдены все правила, вплоть до использования мерной рейки, номера объекта и стрелки, указывающей направление на север.

К фотографиям предъявляются следующие требования:

– фотофиксация процесса археологических работ обязательна, начиная с общего вида объекта до отдельных находок;

– целесообразна фотофиксация общих видов исследуемых участков большой площади и крупных объектов при помощи беспилотных летательных аппаратов;

– обязательна детализованная фотофиксация протяженных профилей (стенки раскопов, бровки и т.д.);

– использование масштабной рейки с хорошо читаемыми шкалами;

– фотофиксация работ по рекультивации и консервации раскопов.

Фото и графическая фиксация сопровождает работу археолога на всех этапах. Основные требования к этой группе документов:

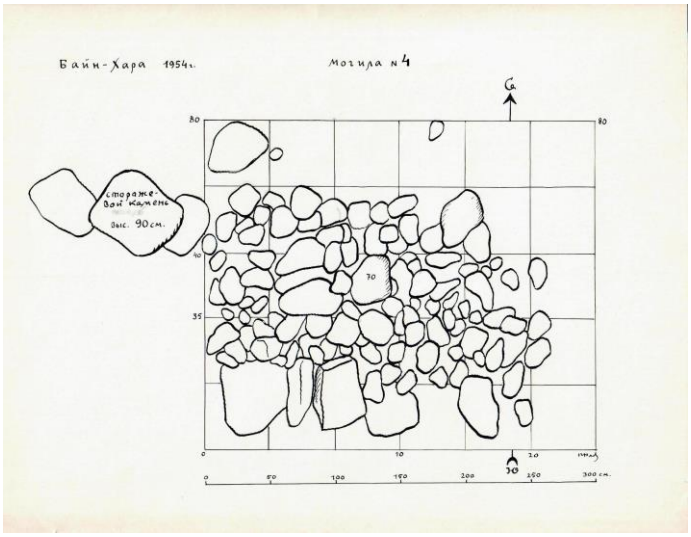
– «Все разведочные шурфы, зачистки, зондажи и места бурения должны быть нанесены на план исследуемого объекта археологического наследия, по возможности в масштабе, документированы, в том числе фотографически».

– Так как к чертежам и фотографиям предъявляются требования высокого качества, все работы по фото и графической фиксации необходимо проводить в благоприятных условиях, при плюсовой температуре и отсутствии снежного покрова, «…а также освещения, достаточного для производства» чертежей и фотографий.

– В процессе археологических полевых работ графической и фотографической фиксации подлежит стратиграфия всех бортов (стенок) раскопа, бровок и разрезов раскопа.

– Весь фотографический материал должен быть отражен в полевых дневниковых записях. Это отражает связь двух видов научных документов, которые в последующем должны быть включены в научный отчет об археологических работах.

Немаловажным элементом в составе полевой документации является чертеж. С его помощью становится возможным проанализировать взаимосвязи слоев, сооружений и найденных в них артефактов. Археологический чертеж – документ, содержащий контурные, линейные или точечные изображения исторической действительности, изучаемой археологическими методами. Разновидность вспомогательных археологических чертежей – технический рисунок, эскиз, схема. На археологическом чертеже отображаются «…объекты, процессы и другие данные, необходимые для сохранения информации, которая утрачивается в процессе дальнейших земляных работ, реконструкции и датировки, идентификации объектов, а также для операций с самим документом при написании научных публикаций и обобщающих работ» (Ил. 23).



Ил. 23. Баин-Хара. Чертеж-план могилы № 4. Е.А. Хамзина. 1954 г.
ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. Ф.50.

К чертежам также предъявляется ряд строгих требований:

– Чертежи (планы, разрезы раскопов, планы рельефа материка, стратиграфические профили, планы и профили курганов, разрезы и планы погребений и др. чертежи) должны выполняться на месте проведения работ.

– Должны максимально точно воспроизводить все детали (расположение слоев и сооружений, высотные отметки, состав, структуру и окраску слоев, распределение находок и т.д.).

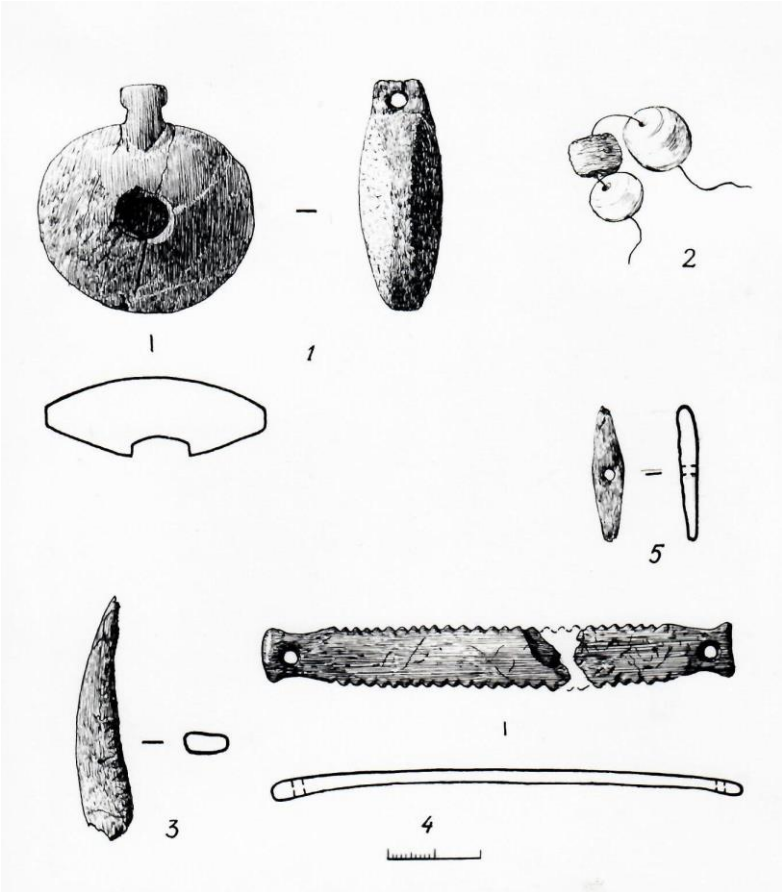
– Допустимы следующие масштабы полевых чертежей 1:1, 1:2, 1:5, 1:10, 1:20, 1:40, 1:50.

– Должны отражать все детали, зафиксированные в профиле, а в профиле должна быть зафиксирована реальная глубина раскопа; на планы должны быть нанесены нивелировочные отметки от условного ноля.

– Должны быть отмечены все визуально прослеживаемые контуры нарушений поверхности (ямы, врезки и др.).

Кроме полевых исследований графическая и фотофиксация применяется при камеральной обработке изъятого археологического материала. Рисунки и фотографии находок должны сопровождаться сечением и масштабной линейкой, а также максимально полно иллюстрировать полевую опись.

В процессе полевых и камеральных археологических работ создается еще одна группа визуальных материалов – археологический рисунок, который «…является необходимой и неотъемлемой частью полевых исследований, неизбежно приобретая статус источника, подчас единственного и неверифицируемого» (Ил. 24).

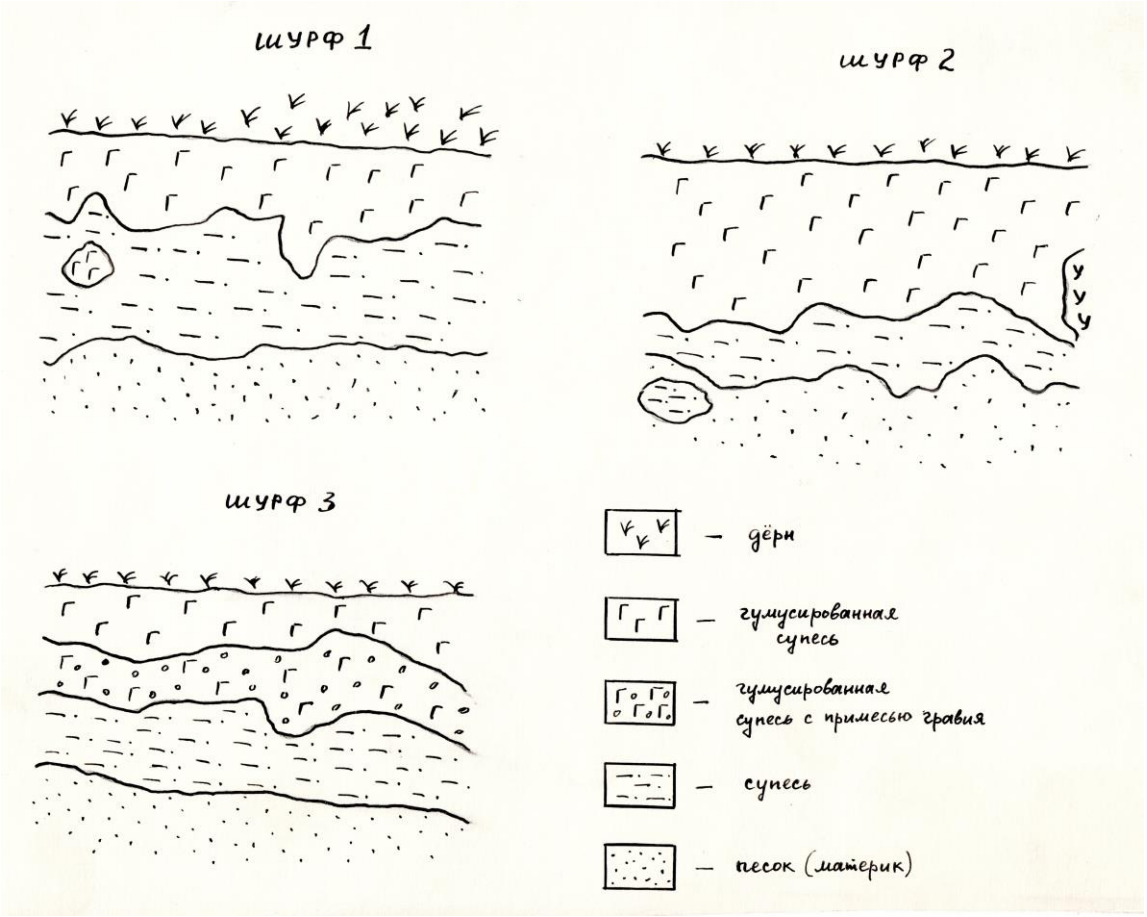


Ил. 24. Рисунки предметов из кости и бусин. Бодон. Б.Б. Дашибалов

Известно несколько стилей археологического рисунка, отличия между которыми в «…изображении форм и орнаментов посуды, оформления разрезов и сечений, передачи фактуры камня, бронзы, железа и т.д.». Рисунок призван передать внешнее и внутреннее устройство предмета, а также с его помощью объем и фактуру предмета. По мнению А.Я. Труфонова: «…потребность в

археологическом рисунке возникает в том случае, когда при передаче предмета очевидна необходимость в вычленении необходимой информации и восполнении утраченной».

Весь иллюстративный материал (карты, чертежи, рисунки, фотографии) входят в иллюстративный раздел научного отчета и переплетаются вместе с текстом отчета; при большом объеме они составляют отдельный том. Безусловно, используя в качестве источникового комплекса визуальные материалы археологических коллекций, нужно учитывать, что «…любой чертеж, рисунок, фотография не в состоянии адекватно отобразить всю полноту содержательной информации о данном объекте» (Ил. 25).



Ил. 25. Стратиграфия шурфов у оз. Кулькисон. Л.Г. Ивашина.
ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ.

В Бурятии значительный массив чертежей, рисунков и фотографий хранится, как и отчеты, в архивах музеев и научных учреждений.

В архиве Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева выявлено 70 чертежей последней четверти XX в., созданных в ходе разведочных работ под руководством А.Д. Цыбиктарова: 1981 г. – 27 чертежей, 1982 г. – 19, 1983 г. – 24 чертежа. В ходе проведенных разведочных работ исследованы могильники Озерное 1, Улзыт-Хонгэ, Харюты 1-4, Бильчир, Сухой Лог, Хукто-Хан, Ошун, Малый Дэбэн, Малый Амбан, Шара-Ход, Ара-Ацагат, Улзыт, Арман 1-2, Чулуты; поселения у с. Новоселенгинск и у с. Енхор. Все чертежи выполнены карандашом на миллиметровой масштабно-координатной бумаге, подписаны и пронумерованы, что позволяет легко установить место и время создания документа. Имеются и отметки о масштабе (от 1:5 до 1:20), зависящего от объекта и вида чертежа (общий план, разрез объекта, кладка могил, профиль бровок, чертеж костяков). Чертежи выполнялись на месте проведения работ, есть названия изображенных объектов, нивелировочные отметки высот, отмечены детали погребальных конструкций, расположение находок, контуры поверхности (ямы, врезки, могильные пятна, грабительские лазы и т.п.). Все чертежи хранятся в комплексе с черно-белыми фотографиями, отчетами и полевыми дневниками

Фотографии отражают процесс археологических работ 1981-1983 гг., расположены по порядку, начиная с фотографий общего вида и заканчивая отдельными находками. Имеются фотографии профилей раскопов, т. е. стенок и бровок; на них используется масштабная рейка и обозначения конкретных объектов. Отдельных рисунков не выявлено, однако в полевых дневниках есть карандашные наброски фрагментов керамики с орнаментом, наконечников стрел, бусин, пряжки. Рядом с рисунками – пометки, отражающие место и глубину обнаружения, интерпретацию предмета, часто размеры находки.

Самый многочисленный комплекс визуальных материалов был выявлен в ИМБТ СО РАН, среди них 37 чертежей из личного архива Е.А. Хамзиной, более 300 фотографий и 211 рисунков. Чертежи выполнены карандашом на миллиметровой масштабно-координатной бумаге желтого цвета с очень высокой детализацией объектов. Чертежи относятся к раскопкам на могильниках Онкули, Баин-Хара, Телятниково. Рассмотрим подробнее состав чертежей для представления их источниковой емкости (нумерация чертежей авторская).

Чертеж № 1. На листе миллиметровой бумаге размещено 4 чертежа разного вида. Общий план местности Онколи с р. Ина, направление дорог, заимки и собственно могильника. Указано направление на север, но отсутствуют указание о масштабе и нивелировочные отметки высот. На втором фрагменте нанесено могильное пятно погребения № 1 с остатками деревянной плахи, которая выполнена с высокой детализацией. Третий фрагмент озаглавлен как «погребение № 2». На нем изображены останки погребенного с обнаруженными артефактами. На чертеже нанесены изображения следующих предметов: костяная бляха, наконечники стрел, гарпун, свистунка, роговой молоток, браслет. Четвертый связан со вторым на этом листе. На нем изображена верхняя часть скелета человека в правильном анатомическом порядке. Так же, как и на предыдущем, отмечены находки. В дополнении к этому чертежу имеются разрезы погребения.

Чертеж № 2 местности Хасхал выполнен карандашом на той же миллиметровой бумаге. Дан общий план местности, указано направление на север, отмечен масштаб 1:100.

Чертежи № 3-7 представляют единую группу изображений, датированную началом августа 1954 г. (дата указана на чертеже № 3 и 7), без направления на север и указания масштаба. Чертеж № 3: Баин-Хара, кочевническая могила № 1. Общий план, нивелировочные отметки высоты. Чертеж № 4: Баин-Хара, могила № 1. Координатная сетка, скелет погребенного. Чертеж № 5 – могила № 2 кочевническая. Общий план с обозначением каменной кладки. Чертеж № 6 – могила № 3 кочевническая. Общий план каменной кладки. Чертеж № 7 – могила № 7. Общий план могилы, отметки высоты.

Еще одна группа из 16 чертежей относится к археологической коллекции с могильника поздних кочевников Телятниково. На них изображены планы, разрезы погребений, а также общий план могильника и местности около могильника. Чертежи выполнены на миллиметровой бумаге с высокой детализацией обычным карандашом. Имеется направление на север; масштаб. Чертежи, как уже отмечалось, детализованы. Так, например, погребение № 10, кроме плана и разреза погребений, представлено отдельным чертежом черепа с обнаруженными вокруг него находками (серьги и украшения головного убора).

В ряде случаев тематика фотоматериалов в личных архивах исследователей значительно шире стандартной фиксации археологических работ. Так, в фотоматериалах Е.А. Хамзиной нами выявлено несколько групп: разноформатные фотографии общих видов памятников (61), пейзажей (49), наскальных рисунков (27), рабочих моментов раскопок (45). Наиболее многочисленная группа – фотографии результатов исследований (147). В нее включены изображения кладок могил, могильных ям, останков погребенного и т.д. Также с коллекциями Е.А. Хамзиной непосредственно связана и еще одна группа – фотографии артефактов, сделанные в камеральных условиях (77). Фотографии двух последних групп соответствуют требованиям к научному документированию – имеется масштабная линейка, направление на север, номер погребения и т.д.

Не все фотографии подписаны, что затрудняет идентификацию объектов. Атрибутированы группы фотографий с памятников в Усть-Кяхте и могильника Телятниково; фотографии с могильника Телятниково соотносятся с упомянутыми выше чертежами.

211 рисунков в архиве Е.А. Хамзиной группируются практически идентично фотографиям. Рисунки выполнены карандашом или тушью на бумаге разной по плотности, детализировано. Точно передается объем, фактура, материал, а также имеющиеся дефекты объектов. Атрибуция рисунков затруднена в виду отсутствия подписей на многих экземплярах. Идентифицированные рисунки относятся к коллекциям с памятников Тапхар I, II, IV, V, Баянгол, Саянтуй, Селенга.

Чертежи, фотографии и рисунки – это важный документ для археологических работ. С их помощью возможно выявить неучтённые памятники археологии, проанализировать геоморфологические условия расположения и географические привязки, сохранить памятник археологии и установить утраченные фрагменты конструкций, передать контекст обнаружения находок, расположения слоев. Учитывая, что соблюдение требований, предъявляемых к графической фиксации, обязательно, визуальные материалы археологических коллекций являются репрезентативной частью научной документации.

Вопросы для самоконтроля

1. О каких типах и видах источников, составляющих археологическую коллекцию, вы узнали?
2. Дайте определение письменному источнику «научный отчет археологической экспедиции».
3. Какие требования должны соблюдаться при ведении полевого дневника археологической экспедиции?
4. Перечислите виды фотографирования, которые применяются при работе с археологическим памятником.
5. Какова роль археологического чертежа при описании (атрибуции) археологических предметов?

Литература

1. Об утверждении Единых правил организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации : Приказ М-ва культуры Рос. Федерации от 8 декабря 2009 г. № 842. – Текст электронный // Гарант : информ.-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/97240/ (дата обращения: 24.05.2021).
2. Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной документации. – Москва : ИА РАН, 2013. – 31 с.
3. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной документации. – Москва : ИА РАН, 2018. – 64 с.
4. Постановление правительства Рос. Федерации от 20.02.2014 г. № 127 «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия». – Текст электронный // Гарант : информ.-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70596998/ (дата обращения: 24.05.2021).
5. Бураева С. В. Обзор археологических отчетов и материалов в общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д-ра. ист. наук, проф. П. Б. Коновалова. – Улан-Удэ, 2017. – С. 274-278.
6. Винокуров Н. И. Полевые археологические исследования и археологические практики : учеб.-метод. пособие / Н. И. Винокуров. – Москва : Прометей, 2013. – 176 с.
7. Источниковедение истории СССР : учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Высш. школа, 1981. – 496 с.
8. Клейн Л. С. Полевой дневник археолога (памятка) // Stratum plus. – 2008. – № 4. – С. 517-525.
9. Мартынов А. И. Методы археологического исследования : учеб. пособие для студентов вузов / А. И. Мартынов, Я. А. Шер. – Москва : Высш. школа, 1989. – 223 с.
10. Миняев С. С. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам / С. С. Миняев, Л. М. Сахаровская // Российская археология. – 2007. – № 1. – С. 159-166.
11. Мыльников В. П. Фотография в археологии : учеб.-метод. пособие / В. П. Мыльников, Л. Н. Мыльникова. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2009. - 135 с.
12. Симухин А. И. Раннесредневековый череп собаки с Иволгинского городища в Забайкалье / А. И. Симухин, А. М. Клементьев, В. В. Бурова // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д-ра. ист. наук, проф. П. Б. Коновалова. – Улан-Удэ, 2017. – С. 148-151.

13. Сорокина И. А. Становление современных норм учета и хранения археологических коллекций в России / И. А. Сорокина // Краткие сообщения истории археологии. – 2014. – № 236. – С. 361-365.

14. Труфанов А. Я. Археологический рисунок: опыт методического анализа / А. Я. Труфанов. – Екатеринбург : Караван, 2015. – 220 с.

15. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований / П. Б. Коновалов, Б. А. Базаров, Д. А. Миягашев [и др.] // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2016. – № 1(21). – С. 9-26.

16. Шакиров З. Г. Методы фиксации в археологии / З. Г. Шакиров. – Казань : Казан. ун-т, 2015. – 114 с.

17. Институт археологии РАН. Научный архив. Ф. 1, Р. 1, Д. 20,160, 130, 131, 185, 243.

18. Институт истории материальной культуры. Научный архив. Ф. 1; Ф. 2. Д. 149, д. 167, 182, 194, 205; Ф. 35, Д. 53.

19. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Центр восточных рукописей и ксилографов. Личные архивные фонды. Ф. 49, 50.

20. Кяхтинский краеведческий музей им. ак. В. А. Обручева. [Архивный фонд]. Д. 5633-3, 5523-3, 5233-3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За многолетнюю историю археологических исследований на территории Бурятии накоплен значительный объем данных о древней истории региона, а также богатый фонд археологических предметов, хранящийся не только в Бурятии, но и за ее пределами. Эти материалы имеют огромное значение для исследователей - они позволяют провести всестороннюю интерпретацию и популяризировать историко-культурное наследие байкальской Азии музейным сообществом.

Появление первых региональных археологических коллекций связано с развитием археологии в стране, ростом интереса к древностям региона. Большое значение имели первые экспедиции в Сибирь, одной из целей которых было поиск и сохранение «предметов старины», а также на формирование археологических коллекций повлияло создание отделения РГО и Кяхтинского краеведческого музея.

Начало формирования археологических коллекций в Бурятии было положено Ю.Д. Талько-Грынцевичем, А.П. Мостицем, П.С. Михно, Я.С. Смолевым, А.М. Лушниковым. Итог этих работ – формирование авторских коллекций, сконцентрированных в фонде Кяхтинского краеведческого музея.

Археологические коллекции первых исследователей стали необходимым фундаментом для будущих археологических изысканий.

Большое значение для накопления археологического материала имели Бурят-Монгольские археологические экспедиции. Первая была организована по инициативе Бурят-Монгольского общества и Бурятского ученого комитета в 1928 г. Руководителем был назначен Г.П. Сосновский. Вторая экспедиция была проведена после Великой Отечественной войны в 1947–1958 гг. и возглавлял ее известный археолог Алексей Павлович Окладников.

Заметный вклад в формирование региональных археологических коллекций (20-30-е гг. XX в.) внесли местные исследователи – Александр Петрович Бажин, Василий Васильевич Попов и Георгий Павлович Сергеев, «первые археологи Бурят-Монгольского краевого музея»

Во второй половине XX в. зафиксирован существенный рост числа археологических работ в регионе, что приводит к ускоренному формированию новых и пополнению имеющихся археологических коллекций. Выявлены наиболее полные археологические коллекции, включающие научную документацию. Тем не менее, усиливается тенденция к разделению коллекции из одного памятника и передаче ее частей в разные учреждения, что привело к очевидному снижению их источниковедческого потенциала.

Со второй половины XX в. системный подход к археологическим исследованиям в регионе стал решающим фактором расширения географических и хронологических рамок создаваемых коллекций. Появляются академические коллекции в БКНИИ-ИМБТ СО РАН. Кроме того, археологи Института передавали свои материалы в музеи республики.

С внедрением новых методов и технологий расширяется возможность интерпретации найденного материала, источниковедческое изучение которого позволяет детализировать развитие археологии в Бурятии, проанализировать динамику изменения хронологических рамок и углубление тематики изысканий. Выявлены проблемы, связанные с целостностью и сохранностью археологических коллекций, необходимо решать путем выработки общих правил по отношению к археологическим коллекциям, как для музейных сотрудников, так и для археологов. Для этого и предлагается универсальное понимание археологической коллекции как комплексного исторического источника.

Вещественные источники являются базовой составляющей археологической коллекции. Артефакты, обработанные руками древних людей, несут разнообразную информацию о том времени, когда они были созданы. Получить же ее можно при профессиональном использовании всех необходимых методов исследования. Нередко в состав одной археологической коллекции входят разные виды находок. Неоднородность артефактов ставит перед учеными неординарные задачи и требуют применения различных подходов и методов к каждой отдельной группе источников.

Поэтому качественный анализ археологической коллекции необходимо производить комплексно, учитывая все типы и виды находок, особенности методов и методик исследования для каждого вида и разновидности источникового комплекса. Лишь в этом случае информация будет максимально полной, достоверной и объективной. Не стоит также забывать, что артефакт, а также

сопроводительный научный материал (фотографии, видеозаписи, документы), впоследствии могут стать объектом показа и интерпретации исторического наследия региона в музейном пространстве.

Археологические коллекции, отражающие эпоху камня, являются единственным источником изучения этого продолжительного исторического периода. Состав коллекций позволяет реконструировать, хотя и не в полном объеме, различные стороны жизни человека эпохи каменного века. Качественный источниковедческий анализ находок позволяет определить время освоения территории Бурятии в древности, определить технику и технологию обработки камня, изучить хозяйственные, бытовые и ритуальные аспекты человеческой жизнедеятельности. Используя методы других наук, при работе с коллекциями, становится возможным реконструировать экологическую ситуацию, определить состав флоры и фауны, окружавших древнего человека.

Коллекции, относящиеся к бронзовому и раннему железному веку, выступают главным историческим источником по реконструкции социальной, экономической и духовной жизни населения в указанные исторические периоды.

Источниковедческий анализ находок, входящих в коллекции, дает возможность определить технологические особенности металлургии, керамического производства, хозяйственно-бытовой уклад. Рыболовные крючки, наконечники стрел, бытовые ножи, иглы, шилья, элементы конской упряжи, а также палеонтологические остатки позволяют говорить о том, что население эпохи бронзы занималось охотой, рыбной ловлей, скотоводством. Археологические коллекции, относящиеся к этому периоду, позволяют исследовать широкий спектр задач. Среди них вопросы хронологии, этнической характеристики населения, хозяйственно-бытовой уклад, социальную структуру, политические процессы в регионе, ритуальные обряды и мировоззрение средневекового населения Бурятии.

Для изучения и популяризации раннего периода нового времени археологические коллекции становятся дополнительным источником, уточняющим информацию, содержащуюся в немногочисленных письменных источниках. Так, коллекция Удинского острога (раскопки 2016 и 2018 гг.) позволяет детализировать архитектурные особенности острога и других построек на его территории, а также погребального обряда русского населения XVIII в.

В целом, археологические коллекции репрезентативны и содержат большой объем информации об исторических эпохах от палеолита до нового времени. Зачастую, это – единственный источник. Несмотря на аккумулированный в коллекциях большой объем археологического материала, необходимы дальнейшие археологические изыскания, которые восполнят существующие ныне лакуны и позволят в дальнейшем более точно реконструировать историю Бурятии.

Письменные источники – это важная составляющая археологических коллекций. Дневники и отчеты позволяют передать контекст исследований, восстановить нарушенную раскопками целостность археологического памятника, фактически «перенося» артефакты в иную среду и на иной (бумажный или электронный) носитель. Письменные источники в составе археологических коллекций позволяют повысить сохранность, как самих коллекций, так и сведения об археологическом объекте.

Чертежи, фотографии и рисунки – это важный документ для археологических работ. С их помощью, возможно, сохранить памятник археологии, передать контекст обнаружения находок, расположения слоев. Учитывая, что соблюдение требований, предъявляемых к графической фиксации, обязательно, визуальные материалы археологических коллекций являются репрезентативной частью научной документации.

Итак, археологическая коллекция – это комплексный исторический источник, включающий в себя три основных типа источников: вещественные источники (археологические артефакты); письменные (дневники, отчеты и др.); визуальные источники (рисунки, чертежи, фотографии). Впоследствии письменные и визуальные источники могут выступить, как самостоятельным элементом показа, так и научно-вспомогательным материалом в процессе создания тематического музейного продукта.

Эти блоки неразрывно объединены местом и временем обнаружения, методологическими и методическими требованиями к фиксации процесса археологических раскопок и исследования материала. В комплексе они позволяют определить контекст, в котором материалы были обнаружены, а также место, время, авторство, методы и средства, применяемые археологами в ходе полевых работ.

Археологические коллекции способствуют более полному исследованию истории региона в различные исторические эпохи, показывая его отличительные черты, с одной стороны, и место в едином историческом пространстве – с другой.

Проблемы, связанные с целостностью и сохранностью археологических коллекций, необходимо решать путем выработки общих правил по отношению к археологическим коллекциям, как для музейных сотрудников, так и археологов.

С внедрением новых методов и технологий появляется больше возможностей интерпретации найденного материала. Оптимизация и полнота сведений об имеющихся артефактах существенно повысят уровень анализа материала и степень его репрезентативности. Все это способствует более качественному изучению, сохранению, интерпретации и популяризации археологических коллекций Бурятии.

Учебное издание

Дикий *Ярослав Витальевич,*
Батурин *Сергей Александрович*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ БУРЯТИИ

Учебное пособие для студентов очной
и заочной форм обучения

Корректор
Д. Ц. Цыденова

Библиографический редактор
С. Ю. Астраханцева

Подписано в печать 23.04.21. Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 5,45. Тираж 90 экз. Заказ № 2481. Цена договорная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО ВСГИК, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.